

Архимандрит НИКОДИМ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

ВВЕДЕНИЕ

Наряду с другими языками, приходящими от запада и моря и востока, с севера в Святую Землю стремились русские люди, чтобы к подножию Божественной Голофы принести сердечную молитву за свою Святую Русь. С древних времен стремились они облобызать палестинские святыни. Часть имен таких благочестивых паломников вошла в историю, большинство остались неизвестными. Среди таких паломников, ведомых и незведомых для истории, были и миряне, и представители «духовного чина». Все они приезжали в Иерусалим, жили некоторое время, путешествуя по святым местам Палестины, и возвращались домой с воспоминаниями обо всем виденном. Чем дальше уходило человечество от времени Рождества Христова, тем больше русских людей устремлялось к Вифлеемскому вертепу, Живоносному Гробу и Божественной Голофе. Но все эти поклоннические путешествия имели индивидуальный, частный характер. Не было в Палестине места, где бы возносилась постоянная молитва на русском языке за родную землю, где бы чувствовался русский дух и где бы российский богомольцы почувствовали себя дома на далекой чужбине.

Только в середине XIX века около Гроба Господня Русская Церковь организовала свое постоянное представительство в виде Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, которая для русских паломников стала постоянным прибежищем во всех их нуждах. Во время учреждения Русской Духовной Миссии Святейший Синод и Русское Правительство в Петербурге думали и о наших паломниках, но далеко не в первую очередь. Причины отправления Русской Духовной Миссии в Иерусалим, главным образом, заключались в том, что Православие в Палестине в то время было в жалком состоянии и Миссии ставилось главнейшей задачей поддержать Православную Иерусалимскую Церковь.

Учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и первые годы ее существования

Сороковые годы XIX в., когда «восточный вопрос» стал в центре внимания всех видных государственных деятелей большинства стран, были началом установления более реальной связи между Русской Православной Церковью и Православным Востоком.

«Только в сороковых годах прошлого столетия стали у нас серьезно думать о Палестине и вплотную подошли к вопросу о необходимости надзора и защиты наших пилигримов, равно как и о более тесном общении с иерархией восточных патриархов. События политического характера в значительной мере содействовали этому. Так называемые «лондонские конвенции 1840 и 1841 годов» существенно ослабили престиж России на

Востоке, вырвав из ее рук первенство в решении ряда вопросов (в том числе и покровительство христианскому населению в Турции) и передав его пяти державам. Вместе с этим широко раскрывались в Палестине и на Востоке двери инославной пропаганде»¹.

По соображениям чисто политического характера интерес к Ближнему Востоку, как уже говорилось, стал возрастать. Русское Правительство стало искать новые пути, чтобы как-то упрочить там свое влияние. В целях изучения этого вопроса в 1838 году в Палестину отправился камергер А. Н. Муравьев. Ознакомившись с состоянием политической и церковной жизни в Сирии и Палестине, он представил в Министерство Иностранных Дел свой доклад, в котором, помимо разных предложений относительно упорядочения там гражданской жизни, высказал некоторые мнения по церковным вопросам. «Как французские короли объявили себя покровителями всех франков, поселившихся на Востоке, — писал он, — и всех католических общин, хотя в большинстве монахи только их единоверцы, но не подданные, было бы справедливо и благоприятно для восточных дел, если бы русский император удостоил принять под свое особое покровительство святые места, хотя бы только храм Гроба Господня, пещеру Богородицы в Гефсимании и Вифлеемскую церковь. Речь идет не о греческой рае, духовенстве или мирянах, а только о священных зданиях, что гораздо скромнее притязания Франции покровительствовать всем католикам вообще, к какой бы нации они ни принадлежали». Но этим не ограничивались меры, которые считал нужным провести в жизнь А. Н. Муравьев. Как истинный патриот своего Отечества, он хотел видеть и свое русское духовенство в Святом Граде равноправным со всеми исповеданиями. Поэтому в своем докладе он продолжал: «Необходимо получить от султана маленькую мечеть (Сионскую) Тайной Вечери и Сошествия Св. Духа, бывшую раньше христианским монастырем, в виде дара или приобретения... Эта мечеть, прежняя церковь, называлась в первые века матерью всех церквей, ибо там было установлено первое иерусалимское епископство в лице Иакова брата Господня. Как только эта мечеть будет в наших руках, она может быть местопребыванием Русской Миссии, состоящей из архимандрита и нескольких монахов и назначаемой вновь каждые три года по примеру католиков...

Если, к несчастью, мы не в состоянии будем вырвать из рук неверных святыни Тайной Вечери, местопребывание архимандрита должно быть перенесено в укрепленный монастырь Креста, находящийся в двух верстах от Иерусалима и принадлежащий грекам, которые охотно уступят нам его с этой целью, и во всяком случае не следует пренебрегать этим прекрасным монастырем, по красоте церкви и обширному помещению весьма пригодным для паломников, руководство которым, как и всеми русскими монастырями, живущими в Иерусалиме, должно быть поручено архимандриту.

Так как после посещения России архиепископом Фаворским во всех наших соборах установлены кружки, в которые опускают подаяния на Гроб Господень, и сбор этот ежегодно доходит до 40 тысяч рублей ассигнациями, часть этих подаяний можно было бы расходовать на поддержание Иерусалимской Миссии, особенно если она поместится в мечети Тайной Вечери, которую придется переделать на церковь. Остальная часть кружечного сбора могла бы получить свое первоначальное назначение на Гроб Господень, но не иначе, как проходя через руки нашего архимандрита. Распределение этих денег возвысило бы нашего архимандрита»².

Здесь мы видим, как впервые государственный чиновник высказывает мысль о необходимости постоянного пребывания в Иерусалиме русских монахов, составляющих Духовную Миссию, во главе с архимандритом. Но прежде чем Миссия была учреждена, предстояло еще пройти ряду лет. Задержка в осуществлении благого намерения А. Н. Муравьева могла произойти от двух причин. Министерство Иностранных Дел считало ненужным до времени приобретение мечети Тайной Вечери. Если бы рус-

ским удалось купить у турок мечеть, то этому примеру наверняка бы последовали и католики. Такая продажа могла бы возбудить доходящий иногда до дикости фанатизм мусульман и осложнить и без того сложные взаимоотношения религиозных групп в Палестине. Кроме того, Константинопольское Посольство было против учреждения Духовной Миссии в Иерусалиме.

Как бы то ни было, но открытие Миссии в Иерусалиме пока отдалось, хотя интерес к Востоку возрастал и правящие круги России чувствовали необходимость изменения своих отношений с Востоком и по церковной линии. Сама жизнь настойчиво требовала этого.

В июне 1842 года вице-канцлер Нессельроде подал на императорское имя доклад, в котором писал, что в данный момент Православие в Палестине находится в бедственном положении. Влиянием и частым вмешательством Константинопольского Посольства до некоторой степени оно ограждено от своевольных притеснений турок. Но кроме мусульман, которые за последнее время относились к православным терпимо, православие страдает как от католиков и протестантов, стремящихся к поглощению в свои недра православных, так и от недостатка нравственных и материальных средств, чтобы противостоять атаке католическо-протестантской агрессии. Поэтому «при обсуждении мер,— писал Нессельроде,— какие могли бы быть приняты со стороны Российского Правительства для поддержания Греческой Церкви, признавалось бесполезным присутствие в Иерусалиме благонадежной и образованной особы из российского духовенства. Мысль эта доныне осталась без действия из опасения, чтобы не возбудить опасений Порты и зависти других христианских держав, но теперь приведение ее в исполнение становится более и более необходимым, в особенности со времени назначения в Иерусалиме протестантского епископа и при настоящих действиях американских миссионеров.

Польза, какая могла бы произойти от присутствия русского духовного лица в Иерусалиме, состояла бы в следующем: 1. Ему по сану своему удобнее, чем светскому человеку, можно было бы вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви; 2. Сим оказано было бы греческому духовенству соучастие единойверной Российской Церкви; 3. Греческое духовенство получило бы через то одобрение и нравственную опору и, наконец, 4. Российское духовное лицо могло бы быть ближайшим посредником между Св. Синодом и иерусалимским духовенством, передавать ему советы и внушение для пользы Православной Церкви, иметь хотя бы поверхностное наблюдение за полезным употреблением собираемых в России для Св. Гроба Господня сумм и т. п.

Но нельзя не сознаться, оговаривался далее вице-канцлер, что гласное отправление духовного лица в Иерусалим имеет также свои неудобства, которые могут произтекать от разных политических соображений, а отчасти от недоверчивости и личных видов греческого высшего духовенства. А потому на первый случай можно было бы ограничиться мерою, так сказать, испытательною. С сею целью надлежало бы избрать кроткого, благоразумного, надежного иеромонаха или архимандрита, но никак не выше сего сана, и отправить его в Иерусалим в качестве поклонника. По прибытии туда он мог бы, исполняя все обязанности богомольца, стараться снискать доверие тамошнего духовенства, постепенно вникать в положение Православной Церкви, сообразить на месте, какие всего удобнее принять меры к поддержанию православия, доносить о том Российскому Правительству и через посредство консула нашего в Бейруте по руководству сего последнего делать при случаях некоторые полезные внушения греческому духовенству от собственного своего имени и с братской любовью, стараясь при том убедить его в благочестивом соучастии высочайшего двора к единоверцам нашим.

Когда же опыт укажет, что пребывание русского агента из духовных может действительно принести существенную пользу Православной Церк-

ви, тогда, смотря по обстоятельствам, можно будет продлить его там пребывание под каким-либо благовидным предлогом и снабдить более положительными наставлениями касательно дальнейшего образа действий. До того же времени необходимо, чтобы он во всем совещался с нашим консулом, ибо ему больше известны политические обстоятельства, с какими надлежит согласовать и духовные дела»³.

При даже поверхностном чтении этого документа сразу бросается в глаза его неопределенность. С одной стороны, говорится, что с точки зрения международных отношений наступило благоприятное время для посланничества ко Гробу Господню представителя Русской Церкви («в особенности со времени назначения в Иерусалиме протестантского епископа»), с другой стороны, этот представитель Св. Синода едет под какой-то личиной простого богомольца, скрывая от всех подлинное свое лицо. То посылаемая «духовная особа» должна войти в доверие к местному духовенству и даже помогать ему советами, то этого же самого духовенства бояться, как бы оно не узнало, что в Иерусалиме официальный представитель братской Русской Церкви, так много сделавшей для Святого Гроба. Да и как мог быть простой паломник даже в сане архимандрита посредником между двумя Поместными Церквями, как предполагает Нессельроде. В начале доклада говорится, что все это предприятие устраивается ввиду того, что православию на Востоке грозит гибель, а конец доклада определяет русского архимандрита или иеромонаха каким-то шпионом, подручным у проэллинистически настроенного бейрутского консула, без разрешения которого посланник Св. Синода не мог ступить шагу. Несмотря на всю, можно сказать, нелепость принципов положения на Востоке русского посланца, эти самые принципы и в дальнейшем будут испытательной пробой всего этого предприятия. Если опыт удастся и будет от него польза, то пребывание русского священника можно будет продлить под благовидным предлогом (!?). Как боялись в Петербурге, что скажут на Западе даже о таком ничтожном деле по сравнению с западной пропагандой на Востоке. Неужели не чувствовали высшие государственные чиновники унижительность для России таких полумер?! Может быть, и чувствовали это, но к естественным опасениям дипломатического характера прибавлялись энергичные возражения Константинопольского Посольства против развития инициативы со стороны Русской Церкви в церковных же делах в святых местах. Унижительное положение Церкви, подчиненной государственным чиновникам, которые смотрят на нее, как на некий придаток, иногда только нужный для достижения определенных целей, в деле организации нашей Миссии в Иерусалиме получило лишнее подтверждение.

Профессор Н. Каптерев утверждает, что «каких-либо серьезных причин посылать в Иерусалим духовное лицо скрытно в действительности во все не было: тайна этой посылки, как увидим, ни для кого не была тайною, а тем более для самого греческого духовенства, она только без нужды ставила в ложное положение само посылаемое лицо, которое по необходимости вынуждено было являть собой обычного богомольца в то время, когда все соприкасавшиеся с ним и заинтересованные в этом деле лица прекрасно знали, что оно нарочно и с особыми целями послано нашим Правительством.

Понятно также, что не было никаких серьезных причин ставить духовное лицо, посланное для изучения и, пожалуй, упорядочения церковных дел в Палестине, в исключительную зависимость и подчиненность нашим дипломатическим агентам, а не Св. Синоду»⁴. С мнением профессора Н. Каптерева невозможно не согласиться.

Однако резолюцией Николая I доклад Нессельроде становился жизненной программой. После царского утверждения этого доклада вице-канцлер направил его обер-прокурору Св. Синода для исполнения. Мнения же самого Св. Синода никто не озаботился спрашивать.

26 июня 1842 г. Св. Синод своим постановлением для исполнения этого поручения назначил архимандрита Порфирия (Успенского), настоятеля Посольской церкви в Вене. Такое назначение объяснялось тем, что архимандрит Порфирий хорошо знает греческий язык и приобрел опыт в обращениях с нерусскими православными христианами за границей.

После извещения о таком решении Св. Синода архимандрит Порфирий прибыл 11 октября 1842 года в Петербург, где 4 ноября состоялось синодальное о нем постановление: «Предстоящее отправление архимандрита Порфирия в Иерусалим в качестве поклонника и в видах обнаружить настоящие нужды православия в Палестине и установить посредство между греческим духовенством и духовным начальством в России и ближайшее наблюдение за действительным употреблением в пользу Православной Церкви в тамошних местах пожертвований предпринимается ныне в виде временной меры, обращение которой в постоянную будет зависеть от открытий и плодов, какие окажутся во испытании оной»⁵.

Получилось, что, хотя назначал отца Порфирия Св. Синод, Св. Синоду он в то же время как бы не подчинялся, а был в ведении Министерства Иностранных Дел.

Будучи слугой двух господ, Св. Синода и Министерства Иностранных Дел, архимандрит Порфирий иногда получал указания прямо противоположные. Так, обер-прокурор рекомендовал ему стараться внедрять в православных школах Востока русские учебники, переведенные на местные языки, дипломаты считали, что бесполезно навязываться со своими книгами. Обер-прокурор предписывает архимандриту Порфирию писать в Синод как можно чаще, Министерство Иностранных Дел категорически запрещает писать в Петербург до окончания командировки. Важный вопрос о признании Афинского Синода, объявившего церковную автокефалию Эллады, Русской Церкви по-настоящему оставался неразрешенным, так как при разговоре с графом Протасовым, обер-прокурором Синода, когда о. Порфирий спросил, что сказать о мнении Св. Синода по этому вопросу, то получил ответ, что нужно узнать мнение Министерства Иностранных Дел. На замечание же, что это дело Синода и богословов, а не дипломатов, он получил отповедь, что это дело не Синода, а государя. В конце концов было приказано сказать, что Русский Синод думает об этом деле, как и Константинопольский Патриарх с Синодом.

Получив прогонные деньги, архимандрит Порфирий выехал 22 мая 1843 года из Петербурга в Одессу, чтобы из Одессы при начале паломнического сезона плыть дальше в Святую Землю, а до этого ему было указано жить в Одессе при архиерейском доме и расширять познания в новогреческом языке. 20 сентября того же года он отплыл из Одессы, а 22 сентября уже был в Константинополе.

Свое знакомство с Православием на Востоке о. Порфирий начал с того, что от официальных и неофициальных лиц много наслушался обесчинствах греческого духовенства. В то же время беirutский консул Базили, оказавшийся случайно в Константинополе, сказал о. архимандриту, что Иерусалимский Патриарх и его окружение знают о его назначении и боятся контроля с его стороны. После немалых проволочек со стороны драгомана Посольства князя Ханжерли архимандрит Порфирий представился, наконец, патриархам Иерусалимскому и Константинопольскому. С Иерусалимским Патриархом и его заместителем, кроме обмена любезностями, иных разговоров не было, а у Константинопольского Патриарха, между прочим, касались отношений с западными инославными исповеданиями. Одно только было ясно, да и греки не особенно таили это, что они знакомятся с архимандритом Порфирием, как с представителем Св. Синода. Кроме разных сообщений, архимандрит Порфирий узнал от посольского духовенства, что сам консул Базили не пользуется авторитетом, так как его драгоман, маронит по исповеданию, покровительствует католикам и униатам, имея влияние на самого консула.

С такими первыми нерадостными впечатлениями в сопровождении иеродиакона Григория, состоящего при Константинопольской посольской церкви, 15 октября наш путешественник отбыл из Константинополя и направился в Сирию.

Прибыв благополучно 23 октября в Бейрут, архимандрит Порфирий без задержки направился в Дамаск, чтобы видеть Антиохийского Патриарха Мефодия. При первой же встрече Патриарх начинает излагать отцу Порфирию жалобы на свои невзгоды, которые общи с Иерусалимской Патриархией: борьба с католиками и униатами, нехватка денег, недовольство консулом Базили. Вскоре по прибытии в Дамаск начались разъезды «российского соглядата» по всей Сирии. Он посещает монастыри, города и деревни с их православными храмами, много беседует со встречающимися людьми.

Часто болит сердце благочестивого архимандрита, когда он видит в храмах Божиих нечистоту и мерзость запустения, а служителей православных алтарей даже в святительском сане небрежных и холодных к своему долгу.

Возмущается о. Порфирий как гражданин своего Отечества и тем, что консул Базили действует в ущерб русским и православным интересам⁶. При посещении немногочисленных училищ он обращает внимание на небрежность в религиозном воспитании, а также замечает, что даже при небольшой поддержке России школы в Сирии могут развиваться и оказывать свое влияние на молодое поколение. Между тем, Русское Консульство совсем не помогает школам. Помимо таких замечаний, относящихся к его служебной командировке, он питает свою любознательность обзорением развалин храмов, городских стен, древних надписей, записью местных обычаев. Посетив многие сирийские и ливанские поселения, через Хайфу и Яффу и далее обычной для паломников дорогой архимандрит Порфирий добрался до Иерусалима 20 декабря того же 1843 года.

В Иерусалиме на встречу ему за городские стены вышли греческие архиереи, архимандриты, много русских паломников и различные посторонние лица. Все это показывало, что приезда замаскированного представителя России не только ждали, но и готовились к нему. При этой встрече он получил приглашение жить в Патриархии. Досадуя на всё, архимандрит Порфирий отказался от этого предложения и направился для жительства в Феодоровский монастырь, предназначенный для русских пилигримов.

После взаимных визитов с патриаршими эпитропами — Митрополитом Петроаравийским Мелетием и Архиепископом Лиддским Кириллом новый паломник выехал в Вифлеем, чтобы встретить Рождество Христово на том месте, где совершилась эта «великая благочестия тайна».

В Вифлееме через посредство сопровождающего его иеродиакона Григория он узнаёт, что члены Иерусалимского Синода наложили друг на друга проклятие, если кто из них вздумает изменить тайнам их управления и жизни и объявит их русскому архимандриту⁷. По приезде из Вифлеема началась его палестинская жизнь с постепенным знакомством со святынями, людьми и нуждами всего этого края.

Много путешествует о. Порфирий. За сравнительно небольшой период пребывания в Святой Земле он объехал почти всю Палестину. Его знакомства были обширны: вся высшая православная иерархия и многие рядовые священники свободно стали приходить к нему и делиться своими различными церковными неполадками. Его сердечное сочувствие и братское ко всем отношение постепенно растопило лед недоверия, и все греки почувствовали, что перед ними не шпион, фиксирующий их недостатки, а христианин, который желает добра всему Патриархату. Добрые отношения сложились у о. Порфирия даже с Армянским Патриархом, у которого он неоднократно бывал и беседовал от сердца к сердцу.

Каждый день пребывания в Иерусалиме или в ином другом месте открывал глаза отцу Порфирию на какие-либо отрицательные явления в церковной жизни края. К определенному выводу пришел о. архимандрит: если не будет оказана как материальная, так и моральная помощь Церкви и в Палестине, и в Сирии (ибо нужды обеих Церквей были совершенно одинаковы), то Православию грозит опасность быть постепенно поглощенным католицизмом и протестантизмом.

Такой моральной поддержкой Восточным патриархам со стороны Русской Церкви, по мнению Синодального представителя, было бы учреждение постоянной Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. О. Порфирий считал, что Русская Духовная Миссия в Иерусалиме должна быть:

«а) для видимого единения Церквей Иерусалимской, Антиохийской и Российской и для взаимных известий;

б) для наблюдения за расходами денег, высылаемых из России;

в) для наблюдения за русскими паломниками;

г) для снабжения всех сельских церквей Сирии и Палестины иконами. При Миссии должны быть иконописцы и школа иконописания;

д) для принятия и отсылки подаяний из России в назначенные места, ибо теперь этого не делают;

е) для наблюдения, где в каких деревнях арабы обращены в магометанство из христиан и где они помнят прежнее христианство, где имеют почитание к святым нашим и пр., дабы при будущем торжестве православия начать с этих деревень миссионерство и обращение в христианскую веру;

ж) для подачи полезных советов при устройстве школ народных и семинарий, и академии в самой Патриархии»⁸.

Как видим, о. архимандрит не только предполагал включить в обязанности Миссии заботу о паломниках, но ставил перед ней более широкие задачи. Даже вообще паломнический вопрос проходит у него как бы между прочим. Цель организации Миссии была, по его мнению, одна — поддержать расслабленную Восточную Церковь, спасти Православие от конечной гибели.

Греческое духовенство к мысли о постоянном пребывании в Иерусалиме Русской Миссии было настроено весьма отрицательно.

Греки, по мысли о. Порфирия, боялись: а) что все славяне православные будут ходить в русскую церковь и смотреть на русских, как на образец. Тут есть опасение лишения доходов и влияния на славян, б) боялись открытия злодеяний, в) боялись, что Россия мало-помалу подчинит своему влиянию Палестину⁹ и греческое духовенство потеряет свою автономию.

Но не все греки так относились к предполагаемой Русской Духовной Миссии. Были среди них, хотя и не многие, горячие приверженцы Русской Церкви. Болея душой о недостатках своих собратьев и не видя возможности оздоровления церковной жизни своими силами, они с нетерпением ждали появления нашей Миссии в Иерусалиме, ибо надеялись, что тогда волей-неволей придется многим очнуться от внутреннего застоя.

Подошло между тем время архимандриту Порфирию уезжать из Иерусалима. Перед отъездом его оказалось, что лично к нему Иерусалимский Синод питал уже не недоверие, а симпатии. Так, 3 августа 1844 года при полном собрании Синода Патриарший Наместник возложил на него золотой наперсный крест с частицей Животворящего Древа на фиолетовой ленте. Через несколько дней после этого, 7 августа, архимандрит Порфирий покинул Иерусалим и направился в Константинополь.

Два месяца прожил в Константинополе архимандрит Порфирий, составляя описание положения Православия в Сирии и Палестине. Его мысли и впечатления были изложены в двух отдельных докладах: «О со-

стоянии Палестинской Церкви и о мерах поддержания ее» и «О спорах греков, латин и армян на св. местах и о способах водворения тут мира». Как в зеркале, его отчеты отразили реальную действительность во всей ее безотрадности. Главной мерой спасения Православия на Востоке архимандрит Порфирий считал учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Закончив этот труд, о. Порфирий отправился в Египет, где, помимо ознакомления с православием, наблюдал быт и богослужение коптов, на Синай и Афон, чтобы и там, на месте, видеть жизнь Православной Церкви. Обратный путь он совершил через Молдавию и Валахию, так как хотел своими глазами видеть святогробские имения, находящиеся там. Путешествия заняли у него около двух лет, и только в сентябре 1846 года нога его снова ступила на родную землю.

По дороге в Петербург у «иерусалимского архимандрита», как некоторые стали называть о. Порфирия, были остановки в Харькове и в Москве.

Исключительно отеческий прием, глубоко запечатлевшийся в сердце о. Порфирия, был оказан ему Московским Святителем Митрополитом Филаретом. Живо интересовался Владыка Филарет православным Востоком, но и этот выдающийся иерарх, один из виднейших деятелей Святейшего Синода, имел о восточных церквях не совсем ясное представление.

19 октября 1846 года о. Порфирий был в Петербурге. Так закончилось его палестинское путешествие. Больше двух лет он трудился ради Церкви и богословской науки, предпринимал тяжелые путешествия. Многое привез он интересного материала, знакомящего с Востоком. Он радовался своим трудам, так как чувствовал, что от них есть польза для ближнего.

Доклад о. Порфирия о положении Православия на Востоке и его же записки о необходимости Русской Духовной Миссии в Иерусалиме послужили тому, что 11 февраля 1847 года государственный канцлер Нессельроде по предварительном обсуждении с обер-прокурором Синода Протасовым сделал императору представление об учреждении Духовной Миссии в Иерусалиме. Это представление было одобрено, и Нессельроде было указано по совместной договоренности с обер-прокурором Синода подобрать кандидатуры для посылки в Иерусалим и сыскать средства на организацию и содержание Миссии.

Состав Духовной Миссии был подобран. Вместе с архимандритом Порфирием предполагалось послать иеромонаха Феофана (Говорова), впоследствии епископа и Вышенского затворника, и двух студентов, окончивших Петербургскую семинарию, — Н. Крылова и П. Соловьева.

31 июля 1847 года постановлением Св. Синода Русская Духовная Миссия в Иерусалиме получила свое бытие.

14 октября 1847 года Миссия в полном составе отбыла из Петербурга. В дневнике отца Порфирия под этим числом записано краткое обращение к Господу Вседержителю: «Боже, путеводивый Израиля от Синая до Сиона, путеводствуй и сохрани и нас на всем пути, предлагающем нам!»¹⁰. 17 февраля 1848 года Миссия прибыла в Иерусалим.

Иерусалимский Патриарх Кирилл радушно принял Миссию и устроил ее на первое время в своих бывших кельях, которые он занимал в бытность Патриаршим Наместником.

Через неделю после приезда Миссии Патриарх Кирилл объявил, что для ее жительства он отдает Архангельский монастырь, только с оговоркой: пусть в нем же поселяются и паломники духовного звания всех национальностей. Пока шло приготовление помещений монастыря, архимандрит со студентами жил в прежних комнатах, а иеромонах Феофан уехал в монастырь преподобного Саввы, где пробыл около полугода.

Только 16 августа после вечернего молитвословия Патриарх Кирилл

в присутствии членов Синода объявил, что Русская Духовная Миссия поселается в Архангельском монастыре, который отдается ей в заведывание, а не в полное распоряжение, и что в том монастыре Миссия будет совершать богослужение на церковнославянском языке.

Как мы уже знаем, водворение в Иерусалиме нашей Миссии не особенно приветствовалось греческим духовенством. Правда, своим избранием на патриарший престол Блаженнейший Кирилл был обязан отчасти и о. Порфирию, поэтому личные симпатии Патриарха к начальнику Миссии уже имели место. О. Порфирий часто бывал у Патриарха Кирилла и у других членов Синода, нередко и они посещали его.

Патриарх не отказывался служить литургию в Архангельском монастыре, где была резиденция Миссии, в торжественные же дни с архиереями и другими членами Синода приходил в Миссию откусать «хлеб-соль»¹¹.

Такая расположенность к русским вместо прежней холодности и недоверия объясняется тем, что все греки чувствовали искреннюю любовь о. Порфирия к Иерусалимской Церкви, интересы которой он готов был защищать, причем защищать бескорыстно только из чувства преданности ей, как Матери Церквей, при этом не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь, и если даже в глаза обличал их, то все чувствовали справедливость его упреков и то, что эти обличения вызывались доброжелательным чувством.

Посещения святогробским духовенством Миссии часто выходили за рамки обычных визитов вежливости. Патриарх и другие иерархи посвящали о. Порфирия в свои дела и даже спрашивали его советов. И сам, по своей инициативе, о. Порфирий смело иногда делал разные предложения Патриарху или членам Синода, и всегда они прислушивались к словам о. Порфирия¹², так как знали, что плохого от им не пожелает.

В 1849 году по совету о. Порфирия и к великому его удовольствию Патриарх Кирилл решил построить новое эллино-арабское училище при Крестном монастыре, эфором которого был избран Патриархом архимандрит Порфирий. Кроме того, он же был избран попечителем всех патриарших училищ.

Всей душой отдался архимандрит Порфирий этой деятельности. В течение 1853 года он предпринял неоднократные поездки в Лидду, где он «пламенно желал открыть приходское училище», в Наблус, в Яффу и снова в Лидду. Обозревая во второе свое посещение лиддскую школу и экзаменуя учеников, он записывает: «Слава Богу! Среди здешнего арабского племени показался рассвет. Но надолго ли? Тяжел для меня этот вопрос. Не хочу и отвечать на него. Мое дело готовить почву и сеять, а выращивание семени зависит от Бога»¹³.

Благодаря просьбам о. Порфирия, греками несколько было улучшено положение наших паломников в Иерусалиме. Патриархия для паломниц отдала более удобный Феодоровский монастырь, а паломников перевела в Архангельский. Единственно, чем наша Миссия духовно могла поддерживать наших богомольцев — это совершением богослужения на церковнославянском языке.

Необходимо еще отметить большое дело, которое хотел предпринять в Иерусалиме начальник первой нашей Миссии. Благодаря добрым отношениям с Патриархом, Миссия расположилась в Архангельском монастыре, если не так удобно, то, во всяком случае, сносно. Но все же приходилось чувствовать, что Русская Миссия только в гостях. Необходимо было иметь свое собственное помещение.

Дело приобретения русскими здания в собственность для помещения туда Русской Духовной Миссии имеет свою историю. Как уже говорилось, ранее были предложения купить у мусульман горницу Тайной Вечери, затем был разговор о покупке у греков одного из монастырей. В иерусалимские дни архимандрита Порфирия пошли разговоры о новом месте, которое следовало бы приобрести.

Строительство дома для Миссии не обошлось без некоторых недоумений. Вначале Патриарх отвел землю для строительства дома рядом с Архангельским монастырем. Участок был окружен зданиями, и, по мысли Патриарха, дом должен был получиться с площадью много меньшей той, какую занимала Миссия в Архангельском монастыре. К тому же дом хотели сделать с низкими потолками и маленькими комнатами. Получалось, что Миссия должна была поселиться в доме, который много хуже Архангельской резиденции. Горячо против этого восстал о. Порфирий. Дело было улажено, проект составлен подходящий и, к величайшему удовольствию о. Порфирия, дом был построен удобный и приличный, но не суждено было о. Порфирию поселиться в этом доме.

Рассказывая о деятельности о. Порфирия в Иерусалиме, необходимо отметить его связи с инославными христианами.

Человек широкого кругозора, чистой открытой души, чуждый узких конфессиональных интересов, о. Порфирий, как упоминалось, сразу постарался завести знакомство со многими представителями неправославных общин. Пребывая и далее в Иерусалиме, он свои связи старался укреплять и расширять.

Такие знакомства одновременно были и полезны и, в некотором смысле, опасны, так как греки с ненавистью относились ко всему неправославному и этого чувства не скрывали. Отец Порфирий из-за этого обстоятельства мог в их глазах терять свой авторитет. Однако он, исповедуя искренно неповрежденное апостольское учение и чувствуя необходимость хотя бы внешнего общения всех христиан, не страшился того, что настроит против себя святогробское братство. Он знакомился с их Патриархом Максимом), и армян, и протестантов, и духовных лиц других исповеданий, причем не только глав, но и рядовых представителей. Бывали и они у о. Порфирия. Во время разговоров на различные темы он не стеснялся иногда подчеркивать несправедливость отдельных их суждений¹⁴, заставляя даже краснеть, но дружбу, конечно, в известных пределах с ними не терял.

Некоторые из них даже прибегали к его помощи; так, если патриархи католический, армянский или униатский приходили к нему просто с визитами или поздравлением¹⁵, то сирийский Митрополит Абденур просил содействия в борьбе против сироиунатов¹⁶.

Отец Порфирий не только сам стремился иметь хорошие отношения со всеми верующими во Христа. Он крайне желал, чтобы между всеми Его последователями, если нет внутреннего единства, то хотя бы соблюдалась внешние добрососедские отношения¹⁷.

Зная резкую антипатию православных греков к иному аспекту христианства, о. Порфирий стремился и им внушить необходимость как мирного сожительства, так и взаимообщения с инакомыслящими в догматических вопросах. По его просьбе и рекомендации Патриарх Кирилл принял протестантского проповедника немца Гиля и готов был вступить в продолжительную беседу неполемического характера. Видя необходимость и полезность таких встреч и бесед христиан разных исповеданий, о. Порфирий с возмущением пишет об этом визите чванливого немца: «18 (марта) четверток. В два часа пополудни я представил Патриарху Кириллу вышереченного Гиля. Он оказался молчалив, как рыба: посидел, почеченился, покурил табак, проговорил сквозь зубы, что читал Богословие Иоанна Дамаскина и только, а о состоянии Православной Церкви в Палестине не спросил, тогда как Его Блаженство, по совету моему, готов был дать ему надлежащие понятия и об епархиях, и о монастырях, и об училищах, и проповедании Слова Божия на языках греческом и арабском. Право, досадно на этих господ, которые издаലെка приезжают к нам и вместо того, чтобы от нас узнать состояние Православной Церкви, расспрашивают о ней всякого встречного и поперечного

и потом пишут небылицы в лицах»¹⁸. Для о. Порфирия непонятны такие люди, считающие себя последователями Спасителя, но не ищущие точек соприкосновения во взглядах с другими христианами. Идеал отца Порфирия — слова Господни: «да вси едино будут» (Ин. XVII, 21).

Имея обширное знакомство среди различных религиозных представителей, о. Порфирий старался поддерживать добрые связи и с дипломатическими представителями западных стран. Консулы Англии, Сардинии, Австрии навещали о. Порфирия, и он посещал их.

С полным основанием можно сказать, что наша Миссия, возглавляемая отцом Порфирием, сумела всех в Иерусалиме к себе расположить и завоевать (кроме заведомых неприятелей вроде французов-католиков) почти всеобщее уважение.

О научных трудах Миссии в Иерусалиме о. Порфирий замечает в своем дневнике: «Иеромонах Феофан продолжал заниматься изучением языков новогреческого и французского и перевел семь патриарших грамот о Синайском монастыре...

Студент Петр Соловьев составил краткие жизнеописания мучеников церкви Палестинской и перевел с латинского языка «Чин общей Литургии сириано-иаковитов» (с издания Ренодота) и с греческого — грамоту Иерусалимского Патриарха Досифея о грузинских монастырях в Иерусалиме 1699 г. и послание к католику Имеретии Кир Григорию.

Студент Николай Крылов составил краткие жизнеописания мучеников церкви Александрийско-Египетской и перевел с греческого: 1. Письма Александрийского Патриарха Пансия к Алексею Михайловичу и к Всероссийскому Патриарху, 1670 г.; 2. Современное благодарственное письмо египетских христиан к сему же государю за благодеяния, оказанные им Александрийской Церкви; 3. Половину исповедания веры названного Патриарха и 4. Литургию Василия Великого у коптов.

Я при лечении века правого глаза моего прижиганиями и 11 операциями не мог делать того, что предполагал сделать; в минуты пытаясь силы зрения после каждой операции и для утешения себя в скорби перевел с эллинского языка на церковнославянский древний акафист свв. архангелам Михаилу и Гавриилу, сочиненный на Афоне в Дохиарском монастыре, и читал похвальное слово св. Григория Назианзина св. Афанасию Великому и творения Платона в подлиннике»¹⁹.

Не прекращалась такая научная работа и далее. Нужно сказать, что трудолюбие было общей чертой всех членов Миссии и все они жили дружно, подавая этим добрый пример греческому духовенству.

Человек неутомимой энергии, о. Порфирий не мог сидеть на месте, когда не чувствовал на себе какого-либо важного дела. Несколько подлечив свое зрение в Константинополе, он вскоре после приезда в Иерусалим едет (1850 г.) на Синай и в Египет в сопровождении всей своей Миссии. Цель поездки была такова: «Помолиться там, где Бог из Египта воззвал Сына Своего, приобрести новые познания и проверить прежние, избавить сотрудников от скуки и томления однообразной жизни и расширить круг их понятий»²⁰.

Путешествие началось из Яффы 22 марта. После небольшой остановки в Александрии путешественники прибыли в Каир, где были совсем по-родственному приняты Патриархом Александрийским Иерофеем. Архимандрит Порфирий уже второй раз посещал Каир, однако с величайшим интересом вместе со всеми спутниками осматривал достопримечательности Египта. Пребывая в Египте, Русская Иерусалимская Миссия продолжала научную работу. Разбор древних рукописей, описание интересных обрядов церкви апостола Марка, различные зарисовки поглощали всех. О. Порфирий, увлекшись работой, иногда забывал о своем недуге, который у него не прекращался.

Одной из целей этой поездки в Египет было сильное желание русских иноков, о. Порфирия и о. Феофана, видеть колыбель христианского

монашества — места подвигов преподобных Павла Фивейского и Антония Великого. Это благое намерение они и исполнили, предприняв тяжелое путешествие по пустыне. Так как монастыри, основанные начальниками иноков, в это время принадлежали к Коптской церкви, то весь состав Миссии посетил в Каире коптского Патриарха Петра, который для путешествующих дал рекомендательное письмо игуменам монастырей. Большое впечатление, усугубляемое тяготами трудного пути, произвело обозрение этих обителей великих подвижников. Из Египта вся русская дружина отправилась на Синай. И в Египте, и на Синае о. Порфирий, как трудолюбивая пчела, старался собрать разные сведения, которые потом проверял и систематизировал. Около полугода продолжалось путешествие, а после его окончания (17 августа 1850 г.) уже в Иерусалиме о. Порфирий трудился над разными рукописями. Особое его внимание привлек Codex Sinaiticus, который он старательно изучал.

Над текстом этой книги о. Порфирий работал долго. Еще в Синайском монастыре он сначала сделал описание ее, а потом начал изучение, продолжив его в Иерусалиме. На этот древний список Священного Писания о. Порфирий смотрит весьма отрицательно. «Утомляет меня Синайская библия, — замечает он. — А замечательна она как образец порчи Священного Писания, наипаче Новозаветного»²¹.

Так прошли несколько лет жизни Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Научными же вопросами о. Порфирий занимается все время и даже тогда, когда началась Крымская война. Немного больше, чем за неделю до отъезда из Иерусалима, он подробно практически изучал коптскую литургию.

Между тем наступили тяжелые дни. Началась Крымская война.

От австрийского консула о. Порфирий узнал о войне и о том, что консул Базили из Бейрута уезжает в Ливорно. Скоро и сам Базили сообщил об этом архимандриту. Русский вице-консул Марабутти тоже должен был покинуть Палестину. Покровительство над русскими поручалось консулу Австрии. Перед о. Порфирием встала дилемма, что должен предпринять он: уезжать или оставаться. Долг послушания и дисциплины говорил о необходимости продолжать пребывание в Иерусалиме, но великие трудности предчувствовал начальник Миссии. Оставаться они должны были среди враждебно в большинстве своем настроенных во время войны жителей Иерусалима, козни католиков и французского консула будут усиливаться, плюс ко всему Миссия не имела достаточных денежных средств. Колебания о. Порфирия окончились принятием решения пока продолжать жить в Иерусалиме сначала до ноября, а затем до января 1854 года.

Несмотря на тяжелые обстоятельства войны, в Миссии продолжалась нормальная жизнь. После начала войны о. Порфирий сдал патриаршему наместнику Архангельский монастырь и освободился от должности попечителя школ Патриархата.

День отъезда русских из Иерусалима турки назначили на 17 апреля, но, задержавшись некоторое еще время, наша Миссия 8 мая 1854 года, сердечно распрощавшись с святогробскими отцами, вынуждена была выехать из Иерусалима, а 11 мая покинула Святую Землю.

Так закончилось пребывание Русской Духовной Миссии около Святого и Живоносного Гроба Господня, продолжавшееся без малого шесть лет. Отъезжая из Иерусалима, о. Порфирий в своих размышлениях как бы подводит итог своей деятельности:

«Завтра чуть свет я выеду из Св. Града. Мое дело кончено здесь. С греческим духовенством я ладил так, что Патриарх Кирилл поручил мне заведывание всеми православными училищами в Палестине и патриаршей школой в Крестном монастыре. Из числа этих училищ девичье в Иерусалиме и отроческие в Рамле и Лидде открыты и упрочены моим усердием и умением. А бедные церкви в нескольких селениях получили

от меня церковные облачения. Туземное арабское племя я за уши тянул к светлому верху. По моему настоянию помещены в патриаршей школе юные туземцы, дабы со временем они послужили наставниками детей в их родных селах. Беднейшие жители Вифлеема ежегодно получали от меня денежные пособия три раза: пред Рождеством Христовым, пред Пасхою и в Успеньев день; и в эти три праздника разговлялись уже не как прежде — не травкою, сваренною в воде без молока и мяса. Абиссинцы, сириано-яковиты и копты видели во мне своего заступника. Армяне уважали меня. Латинам я был не по нутру. Англиканский епископ Гобат чуждался меня, но и я не хотел знакомиться с ним, потому что мне весьма не нравилось воровство его, а воровал он православные души и загонял их в свою кирку, в которой даже нет Распятia, а стоят две черноамраморные скрижали с десятью заповедями, как будто он раввин, а не епископ. От местных магометан мне не было ни малейшего оскорбления; напротив, они всегда раскланивались со мною любезно. Архангельский монастырь, где мы жили и трудились, был подобен улью, в котором каждая пчела выработывала коя свой мед, коя свой сот. Приятно так жить. Приятно будет и воспоминание о таком правильном, содружественном и, смею сказать, общепользном житье»²².

Путешествие нашей Миссии на Родину было через Италию. В Риме, где были подробно осмотрены достопримечательности, архимандрит Порфирий и иеромонах Феофан были на аудиенции у папы. Этот визит впоследствии много повредил о. Порфирию в Петербурге, так как посещение папы не было согласовано с высшим церковным начальством. Из Рима через Вену и Варшаву Миссия 2 октября 1854 г. прибыла в Петербург.

Расставаясь с первой нашей Иерусалимской Миссией, все же хочется еще раз отметить благородство и труды всех ее членов, заброшенных в далекую чужбину и забытых своим начальством. Они впервые прокладывали путь к возвышению значения Русской Православной Церкви на Востоке.

*Возрождение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме
после Крымской войны и ее жизнь под управлением епископа
Кирилла и архимандрита Леонида (Кавелина)*

Крымская война окончилась для России печально.

«Война эта была завершением всей предшествующей истории наших отношений к православному Востоку, когда Россия была исключительной и преобладающей покровительницей христианских подданных Турции. Она же открыла собою историю новых, совсем иных отношений к православному Востоку, где мы должны были отказаться от всяких преимуществ и преобладания и действовать наравне и сообща со всеми другими представителями христианской Европы...

Одним из первых действий русского правительства было учреждение официальной Духовной Русской Миссии в Иерусалиме. Учреждению Миссии предшествовал обстоятельный доклад министра иностранных дел императору»²³.

«В настоящее время, — писал министр, — всякая полумера не только не принесет пользы, но даже послужит ко вреду нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, уронив ее достоинство... Необходимо определить настоящую цель Миссии, прежде нежели послать ее для того, чтобы она могла быть полезна Востоку, ибо на прежнем основании ей уже трудно будет оставаться в Иерусалиме...

Наша цель, наше стремление должны состоять в примирении враждующих племен Востока, ибо русских здесь равно любят и грек, и араб, ему единоверный, не говоря уже о славянах, и даже иноверные латины и армяне, копты, сирийцы и халдеи охотно сближаются с ними, чуж-

даясь греков, как закоснелых своих врагов... Мы должны примирять враждующих и поддерживать арабов, чтобы их не завлекли в унию благоденствия латинов».

Далее доклад повествовал, что в настоящий момент Иерусалимский Патриарх живет в Константинополе, а у всех инославных исповеданий в Иерусалиме есть свои не только епископы, но и патриархи — латинский, униатский, армянский. Даже протестантов возглавляет епископ. Необходимость и русским возглавить свое духовное представительство начальником в сане епископа подтверждалась соображениями, что приезд русского епископа на Восток должен был бы произвести «сильное, благодетельное впечатление не только в Иерусалиме, но и в Царьграде, потому что там еще никогда не видели архиерея русского, ни великолепных обрядов нашего богослужения...

Благолепие богослужения особенно необходимо нам в Иерусалиме, ибо сей святой град есть центральный духовный пункт не только всего Востока, но и Запада, на который устремлено внимание всей Европы и откуда наша Миссия может иметь благодетельное влияние на соседние патриархаты и Синай»²⁴.

Доклад оканчивался мнением, что в Палестине наша Миссия должна будет завести больницы и оказывать благотворительность населению.

23 марта 1857 года этот доклад был утвержден императором, и таким образом Русская Духовная Миссия в Иерусалиме снова получила бытие. Порта признала официальное существование Духовной Миссии нашей в Иерусалиме.

Всего естественнее было бы снова послать начальником Миссии архимандрита Порфирия. Ведь он был знаток и Палестины, и всего Востока. За свое пребывание там он освоился с местными обычаями и нравами населения. К тому же, да это, пожалуй, могло быть и главным залогом его успеха, он пользовался некоторыми симпатиями святогробского и даже неправославного духовенства и иерусалимских жителей. Его приезд сразу же мог дать положительные результаты для упрочения положения официальной нашей Миссии. Да и он сам горел желанием послужить интересам православия в Св. Земле. Казалось, иного выбора не могло быть. К тому же архимандрит Порфирий проживал в Петербурге и определенной должности не имел. Но на деле получилось не так. Произвол обер-прокурора Св. Синода графа Толстого все повернул иначе. Подходя к важному вопросу о Иерусалимской Миссии не с церковной, не с государственной, а с какой-то своей личной ханжеской точки зрения, Толстой решил, что архимандрит Порфирий недостойн такого высокого назначения. Очень интересна и причина такого отношения к человеку, столь потрудившемуся уже в Палестине. Граф Толстой был лично предубежден против о. Порфирия. Это предубеждение основывалось, во-первых, на том, что еще много лет назад во время службы о. Порфирия в Одессе он пользовался некоторым благоволением начальника края графа Воронцова, а Толстой, сменивший на этом посту Воронцова, был очень не расположен ко всему «воронцовскому». Другая причина обер-прокурорской немилости заключалась в «вольнодумстве» о. Порфирия, в котором его подозревали и ранее в Синоде. Одним из проявлений этого «вольнодумства» у о. Порфирия при жизни на Востоке было то, что вкушал мясную пищу. По поводу такого, с позволения сказать, обвинения о. Порфирий с горечью замечает в дневнике: «Меня судит Толстой, и за что же? За то, что вкушал скоромную пищу там, где нет ни рыбы, ни грибов, ни ягод, и где святые апостолы учили, что пища не поставляет нас пред Господом.

Ни слабость моего здоровья, ни дарования и познания мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство обо мне нескольких сановников, изумленных фарисейством Толстого, — ничто не уважается. Вкушение нескольких капель скоромной похлебки там, где более нечем питаться, признано величайшим преступлением. И кто судья мой? Кто порицает меня и тех иерар-

хов, с которыми я разделял трапезу в Св. Граде? Мирской человек, который не понимает различия между заповедью и обычаем, который суд свой ставит выше рассуждения многих, но который, к несчастью, имеет власть распинать. Боже! Прости ему, ибо не знает, что творит»²⁵.

Несмотря на то, что первенствующий член Синода Петербургский митрополит Григорий поддерживал кандидатуру о. Порфирия, он в Иерусалиме назначен не был.

В результате соглашения Министерства Иностранных Дел и обер-прокурора Синода начальником Иерусалимской Миссии был назначен архимандрит Кирилл (Наумов) с возведением в сан епископа.

3 ноября Русская Духовная Миссия, возглавляемая епископом Кириллом, отбыла из Петербурга в Святую Землю.

Первая Иерусалимская Миссия при архимандрите Порфирии состояла из четырех человек, и на ее содержание отпускали семь тысяч рублей, эта же Миссия включала в себя одиннадцать человек, а ей дали средств только вдвое больше, чем первой. Сразу же при отъезде Миссии из Петербурга можно было наверняка сказать, что каких-либо больших результатов на Востоке от нее не будет, потому что слишком слабая конкуренция получится с богатыми католиками и протестантами.

При тяжелом финансовом положении не легче было у нашей Миссии и с кадрами. Сотрудниками Преосвященного Кирилла были назначены иеромонах Ювеналий (Половцев) и иеромонах Леонид (Кавелин). Далее в штате Миссии состоял иеродиакон Евкарпий и шесть певчих. Незадолго до отъезда по ходатайству Преосвященного Кирилла к штату Миссии был прибавлен еще один иеродиакон²⁶.

В инструкции, данной второй нашей Иерусалимской Миссии, еще в большей степени замечается тот самый недостаток, какой был свойствен и инструкции для Миссии архимандрита Порфирия. Инструкция предъявляла Миссии задачи и требования решительно не соразмерные с средствами и крайне малым составом Миссии. В самом деле, Миссия должна была поддерживать добрые отношения с греческим духовенством, инославными христианами и армянами, действовать преимущественно на арабский элемент, притесняемый греческим, заботиться всеми средствами о проявлении русского богослужения в Иерусалиме, дабы возвысить оное на Востоке. Следуя примеру Западной Церкви благодетельствовать местной пастве посредством богоугодных учреждений, милостыни и просветительных мер и, наконец, распространять подобную свою деятельность даже на всю Палестину, Сирию, Синай и Египет²⁷. Принимая во внимание особое представительское значение епископа в Иерусалиме, а также ограниченный по своему иерархическому положению круг деятельности иеродиаконов, выходит, что весь Восток от Нила до Евфрата поручался энергии двух иеромонахов, усердных к делу Божию, но весьма болезненных. Для благотворительности среди многих тысяч православных христиан Востока Миссия не имела ничего, кроме жалования своих сотрудников.

Разбирая события, связанные с возрождением нашей Миссии в Иерусалиме, невозможно не коснуться чрезвычайно важного вопроса, а именно — канонического взаимоотношения двух церквей — Иерусалимской и Русской. Восьмое правило Первого Вселенского Собора определяет взаимоотношение предстоятелей Церквей так, что один не должен вмешиваться во внутренние дела другого. Посланничество во главе Русской Миссии в Иерусалим епископа Святейшему Синоду необходимо было согласовать с главой Сионской Церкви. Такое соглашение было необходимо как с канонической стороны, так и с точки зрения простой вежливости. Для Министерства Иностранных Дел, учреждавшего Миссию, каноны Церкви были безразличны. Договорившись с турецким правительством, Иерусалимского Патриарха не сочли даже долгом заранее поставить в известность о возобновлении Миссии, а он должен был предоставить Миссии и

место для жительства и храм. Позднее с горькой обидой Патриарх Кирилл высказывался, что епископ Кирилл был принят только по приказанию Порты²⁸.

Испросить благословения Иерусалимского Патриарха, который не только ценил нашу первую Миссию и лично архимандрита Порфирия, но и был для нее настоящим благодетелем, было нетрудно, так как он проживал тогда в Константинополе и наш Синод при помощи Посольства мог бы это сделать весьма легко.

Говоря о нетактичности России при посылке в Иерусалим Русской Духовной Миссии, один из авторов по этому вопросу замечает, «что каноничности и братского взаимоотношения Церквей не могли или не хотели знать кн. Горчаков или граф Толстой еще до известной степени понятно, но как это допустил митрополит Филарет и остальные члены Синода, уже необъяснимо. Может быть, и им просто было приказано»²⁹.

Весь состав Миссии тронулся в путь из Петербурга через Москву в Одессу, а Преосвященный Кирилл получил разрешение заехать к себе на родину в Калугу, а затем посетить епископа Макария (Булгакова), жившего в Тамбове.

10 декабря на пароходе Русского Общества Пароходства и Торговли «Церера» Миссия отбыла из Одессы и при благоприятной погоде 14 декабря корабль бросил свой якорь около Константинополя.

Целый месяц пробыла Миссия в турецкой столице. Это время не пропало напрасно. Нужно было установить личные дружественные связи с двумя патриархами — Константинопольским и Иерусалимским, пребывавшим там, а также и другими восточными иерархами.

Неоднократно посещал епископ Кирилл Иерусалимского Патриарха, с которым даже обсуждал и практические вопросы об устройстве и богослужении нашей Миссии и об улучшении быта паломников. Патриарх обещал сделать соответствующие распоряжения о том, чтобы Преосвященный Кирилл мог служить на св. местах всякий раз, когда пожелает, только при этом Патриарх просил Владыку Кирилла соблюдать в Иерусалиме некоторые местные обычаи (не надевать митры на Голгофе, не носить цветные рясы, а только черные и т. д.).

По прибытии в Иерусалим 31 января 1858 г. Русская Духовная Миссия поселилась в специально для нее построенном доме, где не пришлось жить архимандриту Порфирию с братией, но сам дом так и назывался «дом архимандрита Порфирия».

Для постоянных богослужений нашей Миссии был предоставлен храм Архангельского монастыря, где и начались частые архиерейские службы, на которые всегда ходило много народу.

Поскольку вся основная деятельность Миссии должна была направляться на укрепление православия, то необходимо было иметь добрые взаимоотношения с Иерусалимской Патриархией. Эти отношения, как мы видим, сначала стали складываться очень хорошо и все говорило за то, что они будут и далее сердечными и дружественными, однако они стали несколько обостряться.

Не все греки были сторонниками сближения с Россией. Одни боялись, что возвышение Русской Духовной Миссии поведет к ослаблению авторитета Иерусалимской Патриархии, другие открыто говорили о своих политических симпатиях в пользу Запада. Одной из причин недоброжелательства греков могло быть и то обстоятельство, что пожертвования в пользу Св. Гроба стали идти через Преосвященного начальника Миссии. Греки, видимо, боялись потери своих доходов. Окружение Патриарха Кирилла, возможно, прониклось таким настроением и оказало на него влияние. Позабыв свое благорасположение при расставании в Константинополе с начальником Русской Духовной Миссии, Патриарх Кирилл летом 1858 года неожиданно прибыл в Иерусалим. Сразу же после его приезда почувствовалось, что отношение его к Миссии только сдержанно-вежливое. При-

чем иногда даже бывали и открытые выпады против Миссии и ее начальника.

Помимо высказываний вслух разных неудовольствий и нареканий на Миссию, Патриарх Кирилл решил вести наступательные действия, чтобы делом дать почувствовать ненужность Миссии в Иерусалиме. Так, он вызвал к себе ректора Халкинского училища для устройства в Палестине православной школы и тем самым попытался изолировать от такого важного дела Миссию и епископа Кирилла.

«К счастью, в самом непродолжительном времени отношения между Иерусалимским Патриархом и Русской Духовной Миссией настолько изменились к лучшему, что Преосвященный Кирилл мог значительно успокоиться относительно своего будущего служения на Востоке и оставить свои прежние намерения о совершенном отделении Миссии от Патриархии»³⁰.

Трудно сказать, что повлияло на Блаженнейшего Кирилла, когда он оставил свои подозрения и стал более сердечным к нашей Миссии. Вероятнее всего, что особых объективных причин здесь не было, а на него могло подействовать обаяние личности епископа Кирилла. Его ум, чуткость и такт, а также стремление «к более тесному сближению с сим иерархом в тех чувствах взаимной приязни и уважения, которым счастливое начало положено было в Константинополе»³¹. Немало послужила сближению двух Кириллов и их беседа в начале сентября 1858 г. Тема беседы была о русских паломниках. Вопреки ожиданиям точки зрения святителей совпали. Это еще более убедило Патриарха, что русский архиерей не вмешивается в дела Патриархии, а объективно смотрит на вещи. За все дальнейшее пребывание Преосвященного Кирилла в Палестине у него с главой Иерусалимской Церкви не было никаких конфликтов. Мало того, оба Кирилла очень близко сошлись между собой. Епископ Кирилл стал ценить Патриарха, и в 1862 году по его представлению и ходатайству Патриарх был награжден орденом св. Александра Невского, а его заместитель митрополит Мелетий — орденом св. Владимира 2-й степени³². Когда же настали для Преосвященного Кирилла тяжелые дни, то Патриарх Кирилл был усердным ходатаем за него. Когда добрые отношения установились с Патриархом, то и все прочее иерусалимское духовенство перестало чуждаться Миссии.

Более оживленные непосредственные сношения установились у Миссии с Патриархатом Антиохийским.

Преосвященный Кирилл в первый же год своего служения на Востоке решил лично посетить пределы Антиохийского Патриархата, что и сделал в промежуток времени между 9 ноября и 23 декабря 1858 года.

Все виденное в Сирии и знакомое уже в Палестине глубоко поражало Преосвященного Кирилла.

Храмы, училища и другие богоугодные заведения были часто в убогом, заброшенном состоянии, но самое стремление создать все это свое, православное, народное, чтобы избежать услуг католических организаций, было отраднo, а архиереи и пастыри Сирии в стремлении к совершенствованию своих учреждений не отталкивали от себя русской помощи. И Преосвященный Кирилл старался жертвовать на Божие дело по мере своих материальных возможностей. С его помощью была построена церковь в Тире, где ее раньше не было, а православие там при отсутствии церкви почти исчезло. Для Селевкийского митрополита был построен дом. Устроена школа в Триполи, где усиленно развивалась протестантская пропаганда. Многим церквям и школам были розданы пособия, и в бейрутском училище на средства Миссии был нанят преподаватель катехизиса, чтобы сохранить учеников в православии и дать им больше познаний отеческой веры. Пожертвования были сделаны в монастыри Патриархата, в которых были насельники — мужской Белементский и женский Седнайский.

И впоследствии Преосвященный Кирилл часто посылал деньги в Дамаск, чтобы имеющийся там русский консульский представитель употреблял их для соответствующих пожертвований³³. Кроме денег, в Сирию посылались и книги и иконы для нужд церквей³⁴. Уже из Иерусалима Преосвященный Кирилл послал в подарок архиерейское облачение и митру митрополиту Тиро-Сидонскому Герасиму, которого считал полезным архипастырем для дела воссоединения униатов³⁵.

Преосвященному Кириллу хотелось устроить особое училище в Дамаске. Для этой цели он купил там дом. Помимо училища, Преосвященный Кирилл имел желание открыть в Дамаске как бы филиал иерусалимской нашей Миссии. Эта мысль была очень удачна. Если бы в Дамаске было наше постоянное, хотя бы самое небольшое церковное представительство, то члены Миссии могли бы быть весьма полезными для влияния на православных. В Петербурге к этому предположению Преосвященного Кирилла отнеслись безразлично, а в доме вместо представителей Миссии поселился русский консул. Присутствие нашего консула в Дамаске было также необходимо. Дом этот вскоре сожгли фанатики-мусульмане, но турецкое правительство возместило Миссии все убытки³⁶.

Подобно о. Порфирию, Преосвященный Кирилл во время этого своего путешествия пришел к глубокому убеждению, что до тех пор, пока греки держат в своих руках всю власть в патриархатах, существенных улучшений церковной жизни там не может быть.

История показала правильность суждения Преосвященного Кирилла. Не прошло и полувека после этого высказывания, как Антиохийская Церковь сбросила ненавистное всем греческое ярмо. С тех пор она продолжает жить полнокровной церковной жизнью, великолепно обходясь без чужеземных опекунов.

После окончания путешествия епископа Кирилла по Сирии не оканчиваются его тесные сношения с Антиохийским апостольским престолом. Наоборот, они скоро сделались еще более тесными и непосредственными в деле воссоединения сирийских униатов-мелхитов с Православной Церковью.

Уния на Востоке имела успех благодаря неприязненным отношениям греческого духовенства и арабской паствы. Почти все униаты исповедывали православные догматы, в церквях были те же обряды, что и у православных. Только национальная вражда к грекам удерживала униатов Сирии вне Православной Церкви.

В 1858 году папским повелением в униатской церкви был введен новый, грегорианский календарь для всех церковных праздников. Многие униаты не приняли этого решения папы. Они образовали особую партию, называемую «восточные». Во многих униатских селах жители стали высказывать мысли о воссоединении с Православной Церковью.

В это время в Сирию приехал епископ Кирилл. Всеобщий подъем с проявлением дружественных чувств русскому епископу, который был вырван при встречах Преосвященному Кириллу, захватил и униатов. Они также устраивали торжественные и трогательные приветствия епископу Кириллу, и среди них начались серьезные разговоры о воссоединении с православием. Спротивление униатов новому стилю настолько глубоко захватило их, что униатский Патриарх Климент отказался от своей кафедры и удалился в монастырь, никого об этом даже не предупредив. Целые общины стали обращаться к нему с требованием не вводить в их храмах новый стиль, угрожая при этом, что старостильные священники силой будут вводимы в храмы³⁷.

В деле воссоединения сами униаты были только одной стороной. Была еще греческая иерархия, которая должна была высказать свое суждение по этому жизненному вопросу. Почти с первых шагов движения воссоединения Патриарх Антиохийский Иерофей фактически устранился от этого дела. Все, что касалось униатов, он передал епископу Кириллу.

Сам Патриарх Иерофей потерял доверие униатов, когда стал отказываться от некоторых своих обещаний, которые он давал ранее. Возобновилась греко-арабская национальная вражда, и униаты заявили, что все они воссоединятся с православием, но на непрременном условии, что они не будут в подчинении греко-антиохийского патриарха, а перейдут в ведение русского Святейшего Синода. Много пришлось употребить энергии Преосвященному Кириллу, чтобы убедить руководителей униатов в том, что их желание неканоничное, следовательно, и неисполнимое.

О желании униатов воссоединиться с Церковью стало известно в Петербурге.

В обстоятельном отзыве Московский митрополит Филарет считал, что после воссоединения униаты должны образовать самостоятельную церковь, возглавляемую митрополитом. В основание своего мнения митрополит Филарет брал 8-е правило III Вселенского Собора. Единство этого митрополита с Кафолической Церковью должно было впоследствии заключаться в том, что после своего избрания он должен был посылать известительные грамоты предстоятелям поместных церквей.

С высказываниями митрополита Филарета о независимости и автокефальности униатов-мелхитов после воссоединения согласиться нельзя. Ведь не допустил бы митрополит Филарет существования отдельной православно-старообрядческой церкви в России, если бы раскольники-старообрядцы на таком условии захотели воссоединения с церковью, потому что это было бы неканонично.

19 февраля 1860 года Иерусалим посетил глава египетских мелхитов архимандрит Гавриил Джибара. Он приехал в Иерусалим из Сирии, где узнавал мнение сирийских собратьев. Встреча архимандрита Гавриила с Преосвященным Кириллом была, можно сказать, решающей в последующем обращении униатов в Православие.

Отправившись в Сирию для личных переговоров с униатами, Преосвященный Кирилл уяснил, что униаты отрекаются от всех католических догматов и установлений, а своей символической книгой будут считать православный катехизис, изданный Патриархом Мефодием на арабском языке.

Вскоре после посещения Сирии Преосвященным Кириллом, 23 октября 1860 г. представители униатов, ищущих соединения, подали четырем восточным патриархам в Константинополе условия, на которых они хотели быть принятыми в Церковь. Главным образом требовалось, чтобы в сирийских церквях всегда были епископы и священники из местных арабов-христиан. 9 ноября общим собором четырех патриархов и членов Константинопольского Синода эти условия были одобрены, а 26 ноября Хури-Ханна и архимандрит Гавриил Джибара от имени пяти тысяч униатов перед четырьмя патриархами — Иоакимом Константинопольским, Каллиником Александрийским, Иерофеем Антиохийским и Кириллом Иерусалимским, перед собором архиереев и перед множеством народа прочитали свое отречение от католичества и его измышлений (главенства папы, Filioque и умаления канонических постановлений Церкви) и засвидетельствовали свое исповедание Восточного Православия, как его догматов, так и канонов³⁸. Этим закончилось дело по возвращению в лоно Православной Церкви сирийских униатов.

Без лишних комментариев видно, что если бы Преосвященный Кирилл не принял здесь самого деятельного участия, то все дело имело бы гораздо большие осложнения, могло бы далее затянуться и еще не известно, состоялось ли бы вообще.

Взаимоотношения Преосвященного Кирилла с католиками продолжали оставаться все время на том же уровне, что и при его приезде. С монахами францисканского ордена он все время ладил. До самого его отъезда из Иерусалима францискане неизменно хранили свое расположение к епископу Кириллу, а, следовательно, и к Русской Духовной Миссии.

С Патриархом Валергой хороших отношений ожидать было невозможно, т. к. при воссоединении сирийских униатов Преосвященный Кирилл и Валерга стали на прямо противоположных полюсах. Епископ Кирилл совершал путешествие в Сирию, чтобы ускорить процесс возвращения заблудших в недра Матери-Церкви, Валерга также неоднократно ездил в Сирию, чтобы принять все меры к удержанию униатов в римской ограде. Надо думать, что эти два представителя своих церквей взаимных симпатий не питали и хорошей взаимной памяти друг о друге не оставили.

Интересен, между прочим, тот факт, что за время управления Миссией Преосвященным Кириллом было несколько обращений в православие из католичества (два мирянина в 1862 году, аббат Пинелли и францисканский монах Константин)³⁹.

Никаких данных не имеется у нас о том, в каких отношениях наша Миссия была с англиканским епископом. Надо полагать, что особенной теплоты с обеих сторон не было. Ведь еще к о. Порфирию англиканский епископ относился более чем сдержанно. Он как бы избегал и игнорировал Миссию. То же отношение, нужно думать, было и к новому составу Миссии, возродившейся после Крымской войны. Тем более, что внешних факторов, способствующих улучшению взаимоотношений, не было. Весьма вероятно, что участие епископа Кирилла в делах по возвращению в Церковь некогда отпавших ее членов приятным для англиканского проповедника не было. Случаи перехода из протестантизма в православие через посредство русского епископа и нашей Миссии, надо полагать, тоже не были радостью для этого пропагандиста своего учения.

Во время пребывания в Миссии Преосвященного Кирилла очень интересное событие совершилось в Англиканской Церкви. Два англиканских епископа и множество пресвитеров направили восточным патриархам и Св. Синоду послание, в котором заявили, что «епископы и пресвитеры, находящиеся в Англии, Шотландии, Ирландии, и все причисляющиеся к их обществу, заявляют, что они в корне осуждают миссионерскую деятельность англиканского иерусалимского епископа, направленную к прозелитизму, на отторжение в англиканство от Православной Церкви ее чад». По их мнению, это является нарушением постановления архиепископа Кентерберийского от 1841 года, когда основывалось Иерусалимское епископство. Вообще, это послание было написано в таком тоне, как будто между православием и англиканством нет ни малейшей разницы. Деятельность своего иерусалимского коллеги они называют соблазном среди братьев и стараются уверить православных, что все его действия суть лишь личный произвол, а не акты от лица Англиканской Церкви⁴⁰.

Много прошло времени с тех пор, и это время показало, что подобные заверения были пустым звуком, ибо протестантская пропаганда ни на минуту не ослабляла деятельности по уловлению в свои сети простодушных и малодушных. К слову не лишне сказать, что в 1957 году произошла реформа управления Англиканской Церковью на Востоке. Иерусалимский епископ получил титул архиепископа и митрополита всех англиканских церквей в Сирии, Ливане, Египте, Судане, Ираке, Иране и во всех остальных местах Ближнего и Среднего Востока, где имеются англикане. Тогда же была учреждена кафедра викарного епископа, и епископом был рукоположен араб⁴¹. Это показывает, что англиканский прозелитизм и британское влияние не думали и не думают сложить оружие в борьбе за человеческие души и за свое влияние.

С армянским духовенством и духовенством других исповеданий, пребывающих в Св. Земле, деловых сношений у Русской Духовной Миссии при епископе Кирилле не было, но со всеми неуклонно поддерживались дружба и доброе соседство. Помимо укрепления дружественных связей с внешним миром Русская Духовная Миссия задалась деятельностью, направленной на улучшение условий жизни для своих соотечественников, которые пришли в Палестину, чтобы поклониться святым местам.

Для многочисленных наших богомольцев Миссия часто устраивала богослужения на церковнославянском языке. Сам епископ Кирилл нередко принимал участие в таких богослужениях. Для посещения святых мест организовывались караваны паломников, во главе которых иногда был епископ Кирилл⁴².

Русской Духовной Миссии приходилось заниматься духовным окормлением паломников и приходскими требами для них — крестить и венчать⁴³.

Бывали случаи, когда благочестивые паломники по благословию Св. Синода были в Иерусалиме постригасмы в евангельский чин⁴⁴.

Иногда приходилось епископу Кириллу заниматься делами, которые к духовной деятельности и не относились. Такими делами были или помощь в оформлении необходимых документов для отъезда паломников в Россию, или принятие участия в делах паломников, потерявших свои деньги или обворованных, или в подобных житейских невзгодах. Иногда русские люди и из других заграничных мест присылали просьбы о помощи⁴⁵.

Забываясь о телесных нуждах паломников и выполняя волю пославших, наша Миссия учредила небольшую больницу даже с хирургическим кабинетом⁴⁶, но вскоре после устройства больницы перешла в ведение русского иерусалимского консула по предписанию Министерства Иностранных Дел⁴⁷.

Кроме устройства больницы, Преосвященный Кирилл для облегчения жизни паломников на миссийские средства нанимал отдельные дома, чтобы размещать в них тех, кому не хватило места в греческих монастырях.

Таким образом, епископ Кирилл при малом составе Миссии вел большую работу по поддержанию общения со многими церковными организациями, материально поддерживая православное и инославное духовенство, устроил больницу, производил различные расходы на паломников, устраивал школы в православных деревнях и т. д.

В 1858 году в Иерусалиме было учреждено русское консульство, создано агентство «Русского Общества Пароходства и Торговли» (РОПИТ), которое должно было в известной мере заботиться об интересах русских паломников в Палестине, и возник, кроме того, в Петербурге так называемый «Палестинский Комитет». Все эти три учреждения должны были помогать одно другому, а на самом деле занялись борьбой с Миссией, как с учреждением церковным. Дело затруднилось для Миссии еще и тем, что возглавление консульства и агентства общества Пароходства соединилось персонально в лице управляющего консульством Доргобужинова.

Было ясно, что Петербург не мог примириться с тем, что Русская Церковь в лице умного и независимого архиерея представлена в Иерусалиме, что где-то Церковь вышла из общей системы подчинения светской власти. Поэтому постарались снова поставить церковное учреждение в подчиненное государству положение.

Столкновения с консулом у Преосвященного Кирилла начались счень скоро.

В апреле 1859 г. в Палестину прибыл великий князь Константин Николаевич — председатель Палестинского Комитета.

Петербургский посланец не отрицал, что смешение функций Миссии и консульства производит ненужные споры и соблазны. Было сделано разграничение обязанностей между тем и другим представительствами, и на долю начальника Миссии досталось вместо прежних широких полномочий «нравственное и духовное назидание всей русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, управление Духовной Миссией, пастырское наблюдение за русскими поклонниками и всеми нравственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в деле призрения русских богомольцев, передача консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников; к обязанно-

стям же консула должно было относиться все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управление, приобретение земель и домов, все хозяйственное заведывание постройками, госпиталем на основании инструкций, которые он имел получить от Палестинского Комитета»⁴⁸.

Из перечисления обязанностей видно, что начальник Миссии потерял свое значение, т. к. все, что на основании инструкции 1857 года он должен был делать, перешло к консулу, за исключением чисто духовных вопросов, которых консул как светский человек не мог исполнять. В определении круга деятельности Миссии сбылось предчувствие о. Порфирия (Успенского), когда еще перед отправлением епископа Кирилла из Петербурга он, может быть, зная о настроении в некоторых кругах, записал в своем дневнике, что наша Миссия назначается в Иерусалим, чтобы петь для наших паломников молебны, панихиды и обедни, а заниматься учеными изысканиями, изучать арабский и греческий языки, устраивать школы, украшать сельские церкви и заниматься благотворительностью ей не придется. Он тогда основывал свое предсказание на небольших материальных возможностях Миссии. Пусть из-за несколько других причин, но сбылось его предчувствие.

Изменив права епископа Кирилла, председатель Палестинского Комитета высоко оценил общую деятельность Преосвященного начальника Миссии. Благодаря такой оценке и соответствующим представлениям в Петербурге, Преосвященный Кирилл был награжден драгоценной панагией и орденом св. Анны I степени. Это подтверждает мысль, что все действия Преосвященного Кирилла были правильны. Однако Преосвященный Кирилл остался недоволен кругом своих обязанностей. Трения и далее имели место в его взаимоотношениях с консулом, они были результатом стараний Преосвященного Кирилла восстановить свое значение в Палестине и недипломатичных и неуклюжих действий русского дипломата Доргобужина, который иногда просто игнорировал Преосвященного Кирилла.

Результатом пребывания великого князя Константина Николаевича в Иерусалиме была покупка большого участка земли на запад от Дамасских ворот вблизи от иерусалимских стен на т. н. Мейдамской площади. После соответствующего оформления на купленной земле, которая и до сего времени называется «Москобией», или Русским Подворьем, стали воздвигаться сооружения для обслуживания паломников. В первую очередь 30 августа 1860 г. был заложен соборный храм во имя Св. Троицы.

После закладки храма стали строить и другие здания — большой двухэтажный дом для Миссии с храмом во имя св. муч. Александры в середине и четырьмя внутренними дворами и подворья для паломников. Подробно на этом строительстве мы останавливаться не будем, т. к. работы велись Палестинским Комитетом и Обществом Пароходства и Торговли, а наша Миссия от всякого участия в этом деле, где она была непосредственно заинтересована, совершенно устранена.

«К 1863 году устройство русских богоугодных заведений в Иерусалиме должно было закончиться. Возникал новый вопрос об управлении и заведывании вновь устроенными помещениями. Русский архиерей, стоявший во главе Иерусалимской Миссии, сильно стеснял тех, которые хотели бы заведывание поклонническими зданиями совершенно отделить от Духовной Миссии. Прежде только подразумевавшаяся мысль о неуместности назначения начальником Миссии епископа теперь впервые открыто высказывается.

Председатель Палестинского Комитета, ведавшего делом построения русских богоугодных заведений в Иерусалиме, в рескрипте на имя обер-прокурора Св. Синода выразил мысль, что необходимо «устранить те затруднения, которые происходят от слишком высокого иерархического сана начальника Иерусалимской Миссии». Вместе с тем им было выражено же-

лание, «чтобы Преосвященный Мелитопольский получил другое назначение, а Духовная Миссия поставлена была бы под начальство благочестивого и способного архимандрита»⁴⁹.

Надо сказать, что в Св. Синоде, где весьма считались с мнениями Московского митрополита Филарета, смотрели на дело епископа Кирилла, как на справедливую защиту интересов Церкви. Просматривая доклад Преосвященного Кирилла о трениях с Обществом Пароходства и Торговли, где он высказывал мысли о ненормальном положении пребывания в Иерусалиме, неморском и неторговом городе, агентства Общества, митрополит Филарет склоняется к признанию правоты в словах начальника Миссии.

«Что делает или хочет делать пароходное общество? — спрашивает мудрый святитель и тут же отвечает: — Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не больше ли принадлежит Духовной Миссии, нежели Обществу Пароходства и Торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, Общество Пароходства и Торговли имеет в своих руках и забывается, как бы и впредь в большом количестве получать их в свои руки»⁵⁰.

Общее настроение в Св. Синоде было в пользу Преосвященного Кирилла, и в этот раз его перемещение в Россию не состоялось.

Потерпев поражение, недруги Преосвященного Кирилла успокоились не надолго. Прошло несколько месяцев, и в мае 1863 года в Министерство Иностранных Дел поступило сообщение иерусалимского консула Карцева, которым он официально ставил в известность Министерство о личной жизни Преосвященного Кирилла. Не приводя конкретных фактов, Карцев больше сообщал слухи о соблазне, вызываемом в Иерусалиме поведением епископа. Кроме этого, консул утверждал, что пребывание епископа Кирилла в Иерусалиме вредно для Русской Православной Церкви, т. к. он потерял свою самостоятельность и сделался послушным и безвольным орудием в руках греков, которые используют его связи в Константинополе и в России.

Кляузный доклад Карцева из Министерства Иностранных Дел был представлен императору, который высказал, что оставить Преосвященного Кирилла на прежней должности невозможно. Судьба епископа была решена. Св. Синод в своих заседаниях 19 и 21 июня (1864 г. — Автор) постановил уволить Преосвященного Кирилла от должности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и назначить его в распоряжение архиепископа Казанского (за неимением в тот момент вакантной архиерейской кафедры) с назначением его управлять Казанским Спасо-Преображенским монастырем.

В тех же заседаниях Синода было определено, что для начальствования в Иерусалимской Миссии нужно избрать архимандрита.

На освободившееся место начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме постановлением Св. Синода 23 ноября 1864 г. был назначен из Оптиной пустыни с возведением в сан архимандрита иеромонах Леонид (Кавелин), тот самый, который в 1858 г. вместе с Преосвященным Кириллом в звании члена Миссии прибыл в Иерусалим и пробыл в нем около года.

В указе о назначении иеромонаха Леонида начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме говорилось, что Св. Синод считает нужным заменить полностью весь штат Миссии. В Иерусалим были назначены иеромонахи Иоани и Гедеон (из Смоленской и Воронежской епархий), а также иеродиакон Арсений, бывший тогда при Петербургской Духовной Академии. Регентом миссийского хора был назначен певчий придворной певческой капеллы Сергей Вознесенский⁵¹.

Как путешествовал архимандрит Леонид с братией по суше и морю до Иерусалима, у нас не имеется сведений. Знаем только, что 12 мая 1864 года они прибыли в Иерусалим. Вскоре после приезда архимандрит

Леонид сдал Патриархии церковь Архангельского монастыря, которая до этого была миссийским храмом. Можно полагать, что такая поспешная передача была не совсем хорошо продумана, т. к. своя церковь (в здании Миссии) хотя и была достроена, но не была еще освящена, поэтому и члены Миссии вынуждены были служить где придется. В этом нарушалась традиция, к которой уже привыкли паломники, что при желании они могли ежедневно молиться за русским богослужением. Этот недостаток был непродолжительное время. К приезду архимандрита Леонида постройка здания Миссии с домовою церковью была закончена. Новый начальник Миссии поселился сразу в своем доме.

Торжество освящения первого русского храма совершилось 28 июня 1864 года. Освящение собора было отложено на неопределенное время. В основном, постройка собора была окончена⁵². Но по особому распоряжению предполагалось окончить отделочные работы в соборе после соответствующего сбора пожертвований.

Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме имеет очень мало документов о деятельности в Иерусалиме архимандрита Леонида. Обычное духовное окормление паломников, редкие пострижения в монашество, как и при епископе Кирилле, получение разных пожертвований — вот обычные дела Миссии в это время⁵³.

О просветительной работе Миссии известно только, что архимандрит Леонид оказывал денежную помощь школе для арабов, которую организовала близ Иерусалима в деревне Бет-Джала прибывшая из России некая г-жа Бедрова. Впоследствии на базе этой школы была устроена Палестинским Обществом учительская женская семинария.

Ввиду отсутствия в архиве Миссии данных, говорящих о деятельности архимандрита Леонида, трудно судить об управлении им Миссией. Ясно только одно, что он не смог установить дружеских отношений ни с Патриархией, ни с консулом, ни с братией Миссии. Роль начальника Миссии в данной ему инструкции была очерчена довольно ясно. Он мог быть недовольным инструкцией, но высказывать ее он был обязан, как свое послушание. Братия Миссии, его непосредственные помощники были настроены против своего начальника. Возможно, что это объясняется несколько замкнутым и тяжелым характером архимандрита Леонида.

13 апреля 1865 г. Иерусалимский Патриарх Кирилл прислал в наш Св. Синод свою грамоту, в которой говорилось, что архимандрит Леонид ведет себя беззаконно и бесчинно, чем возбуждает всеобщее недовольство паломников, и просил заменить его другим лицом⁵⁴.

На это послание 25 июня 1865 г. был направлен из Петербурга ответ от имени первенствующего в Синоде митрополита Петербургского Исидора. В этом ответном послании, в частности, говорилось, что «сей муж, по отречении от мира долгое время с несомненным достоинством проходивший монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством, в короткое время пребывания его в Иерусалиме подвергся обвинению в бесчинном и беззаконном поведении, впрочем без определенного указания: кем он обвиняется, какие позволил себе беззаконные действия и подкреплены ли обвинения законными доказательствами»⁵⁵.

Нельзя согласиться с мнением архимандрита Киприана, который старается показать в этом случае архимандрита Леонида каким-то героем⁵⁶. Патриарх Кирилл, защищавший епископа Кирилла, не стал бы напрасно нападать и на другого начальника Миссии, тем более, что начальник в сане архимандрита должен был сразу вызвать большие симпатии греков, чем архиерей.

Указом от 16 июля 1865 г. архимандриту Леониду предписывалось сдать «в возможно непродолжительное время дела, имущество и суммы Миссии» архимандриту Антонину (Канустину), в то время настоятелю посольской церкви в Константинополе.

Отец Антонин Капустин пробыл в Миссии около тридцати лет. По продолжительности своего пребывания и по направлению своей деятельности он существенно отличался от предшественников, поэтому необходимо посвятить ему особый раздел нашей работы.

Архимандрит АНТОНИН (Капустин) и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме под его управлением

11 сентября 1865 года о. Антонин прибыл в Св. Град. Чувство глубокого умиления испытывал он, вступая в Иерусалим. Не чувствовало, вероятно всего, тогда его сердце, что в Иерусалиме будет его последний вздох на земле, а окрестности Иерусалима — местом последнего и вечного покоя.

Трудные и тяжелые времена переживала наша Русская Миссия в Иерусалиме, когда переступил ее порог будущий начальник о. архимандрит Антонин. Враги и недоброжелатели Русской Церкви и ее успехов в Палестине, православные и инославные, чужие и даже свои торжествовали, добившись громадного успеха, который — по меткому замечанию о. Антонина — «Гоббату (протестантскому епископу — миссионеру Палестины. — Автор) и К^о и во сне не мог привидеться», а именно удаления из Палестины русского епископа Кирилла, человека образованного, твердого в своих убеждениях и энергически настойчивого в деле, за которое он принимался. «В Иерусалимской Кирилловской истории, — говорит о. Антонин, — мы перенесли совсем незаслуженно не одно искушение. Нас оболгали, осмеяли те, кого мы беззаветно поили, кормили и на руках носили»⁵⁷. Намек делается в сторону высшего иерусалимского духовенства. Но не следует упускать из внимания тормозы и со стороны своих русских — русского иерусалимского консула, и так называвшегося Палестинского Комитета, которым весьма и весьма мешал слишком «высокий иерархический сан начальника иерусалимской миссии» и которые напрасно мечтали, что создавшиеся в Палестине «затруднения» исчезнут, когда «духовная миссия» будет поставлена под начальство благочестивого и способного архимандрита.

Прежде всего о. Антонин стал налаживать взаимоотношения с Иерусалимской Патриархией, поскольку его предшественник отчасти разбился об этот камень.

Сразу после своего приезда в Иерусалим о. Антонин ищет пути к сближению с греками и находит их. В своих отношениях с Иерусалимской Патриархией о. Антонин избирает для себя одно средство — признание канонического преимущества в Иерусалиме за Патриархией и воздание ей должного уважения. Действуя так, о. Антонин быстро сходится с греками, завоевывает их сердца, а с патриархом Кириллом у него завязываются близкие сердечные отношения. Святогробцы уже перестают бояться о. Антонина, и взамен неприязни развиваются отношения полного доверия. В подтверждение этого можно сослаться на то, что патриарх Кирилл 3 августа 1868 г. наградил о. Антонина крестом с частью Животворящего Древа⁵⁸.

Можно предполагать, что дружба с греками существовала бы у о. Антонина долго, но начавшиеся церковные нестроения обострили ее и испортили. Поводом к этому послужил болгарский церковный вопрос, закончившийся продолжительной схизмой.

Из всех восточных патриархов только один Иерусалимский Кирилл отказался подписать осуждение болгарам. Он уехал в Палестину, чтобы, по совету с местным духовенством, представить свое мнение патриархам.

Отцу Антонину поручалось послом Игнатьевым употребить все возможное влияние на патриарха Кирилла, чтобы он остался тверд в своем мнении⁵⁹.

В Иерусалиме Патриарх Кирилл, когда начал обсуждение болгарского вопроса в своем Синоде, подвергся жесточайшим оскорблениям от святогробского братства, в котором господствовал дух панэллинизма. Греческое духовенство в Палестине не только не поддержало отношение своего главы к болгарскому вопросу, но весь Синод постановил лишить кафедры Блаженнейшего Кирилла. Сначала ему был дан ультиматум — или до захождения солнца он подпишет осуждение болгарам, или он будет лишен престола. Патриарх Кирилл поступил по велению своей совести, и с тех пор этот блаженный святитель должен был покинуть Иерусалим и до конца дней жить в изгнании⁶⁰.

Изложение Патриарха Кирилла было неканонично и незаконно, но воинствующий эллинизм в восточных патриархатах не проронил ни одного звука в защиту осужденного, и избранный святогробским Синодом архиепископ Газский Прокопий был всеми признан как законный Патриарх.

Русская Духовная Миссия получила официальное извещение об избрании нового патриарха 15 января 1873 года. Миссия в лице своего начальника о. Антонина сразу дала понять Патриархии незаконность этого избрания. Патриархия чувствовала, что симпатии русских всецело на стороне низложенного патриарха. Взаимная неприязнь у Миссии с Патриархом Прокопием была во все время его пребывания на патриаршей кафедре.

Патриарх Прокопий жаловался в наш Синод на непоминовение его имени в миссийских церквах. По этому случаю от 5 августа 1874 г. о. Антонину был послан специальный указ, в котором говорилось: «Подтверждаем Вашему Высокопреподобию, чтобы Миссией в отношениях своих к Иерусалимской Патриархии и подведомому ей духовенству строго выполнялось все то, что требуется по церковным законам и постановлениям местного правительства, и чтобы при богослужениях неопустительно возглашалось патриаршее имя по чиноположению церковному»⁶¹.

Правление Патриарха Прокопия не было длительным, и его постигло низложение. На его место святогробский Синод выбрал представителя св. Гроба в Смирне Иерофея (1875—1882 гг.). В начале патриаршествования Патриарха Иерофея наши отношения с Патриархией, казалось бы, несколько улучшились, хотя и продолжали быть сильно натянутыми, а к концу 80-х годов снова обострились.

Преемник Иерофея Патриарх Никодим был весьма настроен против о. Антонина еще в России. Это могло произойти вследствие того, что у о. Антонина было много недоброжелателей в Петербурге в сферах, прикосновенных к палестинским делам. Это предубеждение сохранялось и в Иерусалиме, причем с личности начальника оно перешло на всю Миссию. Мнение это может подтвердиться перепиской о. Антонина с Патриархом.

Как известно, в Петербурге не считали Миссию правомочной вмешиваться в дела паломников. Эта задача в запутанном виде стояла перед консулом и Палестинским Комитетом. Этого же мнения придерживались и Блаженнейший Никодим. За то, что миссийские священнослужители совершали богослужения вне Миссии для паломников, патриарх подвергал их запрещению в священнослужении⁶². Чинились всевозможные придирки, чтобы показать, что патриарх является не только в духовном отношении главой всех православных, но имеет вообще власть над Миссией. Так беспорочно прослуживший более 30 лет в священном сане священник Анисимов был запрещен в священнослужении за то, что, вернувшись в Иерусалим из отпуска, проведенного в России, он не явился сразу к патриарху⁶³.

Подобные случаи повторялись. На требование Патриарха Никодима прислать ответ на одно из его извещений о запрещении в священнослужении членов Миссии перомонаха Парфения и неродиакона Виссариона за совершение отпевания одной русской паломницы, о. Антонин вынужден

был писать главе Иерусалимской Церкви, чтобы на будущее прекратить незаконные выпады против духовенства Миссии, следующее: «Русская Духовная Миссия, вверенная в настоящее время моему управлению, снабжена высочайше утвержденной инструкцией, налагающей на нее неотменный долг исполнять все церковные «требы» пребывающих во Св. Земле поклонников русских. В силу сего положения члены ее и совершают Св. Таинства и другие священнодействия, установленные Православной Церковью, над русскими поклонниками.

Если Ваше Блаженство знаете что-нибудь последовавшее со стороны Российского правительства в отмену данной Духовной Миссии инструкции, благоволите почтить меня уведомлением о том для моего руководства в будущем. (Никакого, разумеется, изменения в инструкции не было. — Автор.)

Излишним считаю распространяться словом о заявленном в «Отношении» Вашего Блаженства намерении Вашем подвергнуть каноническому наказанию членов вверенной мне Миссии, ибо кому же как не блюстителю Божественных канонов» знать, что епархиальные пределы Церкви нарушима и что, в случае чьей-либо погрешности, одной Церквью наказывать членов другой Церкви Божественные каноны не позволяют. Если в действии Русской Духовной Миссии окажется что-нибудь достойное наказания, она сыновне примет его от Святейшего Правительствующего Синода Всероссийского, которому на сей именно конец я спешу препроводить в копии досточтимое «Отношение» Вашего Блаженства»⁶⁴.

Такие натянутые отношения с патриархом Никодимом были у Миссии до самого его низложения.

С преемником патриарха Никодима, Блаженнейшим Герасимом, Миссия жила в большом мире и согласии.

Не менее сложен и важен для Миссии был вопрос об отношениях с консулом. Этот вопрос служил немалым преткновением для предшествующих начальников, особенно для архимандрита Леонида.

Спустя семь лет после своего назначения в Иерусалим, о. Антонин, изучивший уже полностью положение Миссии, снова высказывает мнение, что непрекращающаяся распря у Миссии с консульством зависит не от личности, а от положения вещей, которое однажды было названо «системой»⁶⁵.

Это определение вполне правильно, ибо шли годы, менялись консулы (их при жизни о. Антонина в Иерусалиме было три), но положение оставалось прежним.

Стараясь прекратить пагубное разделение среди своих соплеменников, о. Антонин дважды писал в Петербург и константинопольскому послу проекты о разделении сфер влияния в Палестине Миссии и консульства. Т. к. в столкновение чаще всего приходили по административно-хозяйственным вопросам, то о. Антонин предлагал разграничить русские владения и, в частности, русские постройки в Иерусалиме между этими учреждениями.

В Петербурге проекты оба раза попадали в руки Палестинской Комиссии, которая категорически отвергала их и считала, что в Иерусалиме все нормально.

Мнение относительно фатального действия «системы» подтверждает еще один выдающийся палестиновед того времени — В. Н. Хитрово.

По поводу всех неладов Миссии и консульства В. Н. Хитрово рассуждает так: «Главной помехой нашей деятельности было отсутствие точно определенных и верно очерченного круга деятельности наших представителей в Иерусалиме.

Кроме этой существенной причины, которая, конечно, не существовала, если бы наши светские представители хотя немного сознавали свои обязанности, следует заметить, что эти представители далеко были ниже своего призвания. Карцев, Кожевников и Илларионов, может быть, пре-

красные люди, отличные чиновники, даже примерные консулы в Неаполе или Салониках, но все они не отдавали себе никогда отчета в том, что Иерусалим иной город, чем Неаполь или Салоники. В Иерусалиме можно жить и действовать только умом или сердцем. К сожалению, они не жили ни тем, ни другим, переносили свои дипломатические замашки в Иерусалим и разыгрывали роль полных генералов от русских. Оттого один проводил дни и ночи в пировании с турецким пашоу, другой шил себе белый кепи с генеральским в ладонь галуном, наконец, третий после года пребывания в Иерусалиме не видел Иордана и на выраженное мною удивление ответил: «Что мне там делать?» Понятно, что не им было заняться улучшением нравственного быта наших поклонников, о котором они не имели понятия. Драгоманы, кавасы, наши богомольцы, отчасти греческое духовенство — все было у их ног, и если были люди, не склоняющиеся перед ними, то это были единственные представители нашей Духовной Миссии. Чувству мелкого самолюбия жертвовались интересы России.

Переходя к представителям нашей Духовной Миссии, должен прежде всего заметить, что даже враги их не могут отвергнуть ни их ума, ни их учности. Что касается до духовных дел, то, конечно, все они далеко превосходят в этом отношении представителей нашей светской Миссии и не им было преклонять голову перед консулом, презрительно отзывающемся об Иордане. Но и помимо этого я убежден, что на всем обширном пространстве Российской империи едва ли найдется более щекотливая, более тяжелая должность как настоятеля Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Как архимандрит он в иерархическом отношении стоит ниже последнего греческого епископа, а, зная, как, с одной стороны, в духовном ведомстве сильна иерархическая последовательность, а, с другой, как необразованно и грубо высшее греческое духовенство, становится ясным, как трудно ему поддерживать значение представителя православной Руси. Но этого мало. Суть так называемого арабского вопроса сводится к стремлению арабов иметь свою национальную иерархию. Россия вследствие собственной своей истории может быть только на стороне национальной церкви, по крайней мере к этой стороне лежат ее симпатии, их должен разделять представитель Русской Церкви. Между тем эти стремления, эти симпатии явно враждебны греческой иерархии. Пока на иерусалимском патриаршем престоле сидел покойный Кирилл, который хотя отчасти симпатизировал национальной церкви, положение было еще до известной степени сносно, иное оказалось при его наследнике, избранном противной партией.

Настоятель Русской Духовной Миссии оказался, с одной стороны, между молотом и наковальней, с другой — принужденным быть послушным секретарем людей, которые стояли гораздо ниже его в умственном развитии. Если к этому присовокупить неизбежное даже в монахе чувство собственного достоинства, неизбежную с духовным воспитанием известную угловатость, то понятно становится то невозможное положение, которое создано было Палестинским Комитетом для начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и требовать от сего последнего, все-таки человека, среди этих дряг и мелочей еще деятельного участия в заботе о нравственном быте паломников, было бы возлагать на него обузу выше сил человеческих. Что же касается до его помощников, то и в этом отношении что могут сделать 1 или 2 иеромонаха на 3000 поклонников?»⁶⁶.

«На опыте своей личной борьбы с Палестинской Комиссией и консульством о. Антонин пришел к прискорбному убеждению, что Церкви не дают и она не может самостоятельно управлять и работать в своей сфере. Но вместе с тем являлось и другое, еще более прискорбное убеждение, а именно, что и сама Церковь настолько привыкла постоянно опираться на государство, искать в нем не только защиту и поддержку, но подчас, и очень нередко, и инициативу и двигательный импульс, что невольно рождалось тревожное опасение того, что церковный аппарат страдает атро-

фией жизненных функций. Синодальный строй, увы, обессилил ее для жизненной борьбы. Слишком дорого стоил Церкви ее мезальянс с государством»⁶⁷.

Видя, что сложившиеся отношения с русскими государственными представителями парализуют всякую деятельность Миссии, пытливым умом о. Антонина находят сферу для приложения своих сил и способностей, благодаря которой значительно укрепилась в Палестине влияние и авторитет русских. Таким великим делом явилась покупка Миссией земельных участков вне Иерусалима.

Каким образом у о. Антонина возникла мысль о таких покупках, говорит его письмо к Б. П. Мансурову, в котором он бросает обвинение в том, что без всякой нужды Миссию хотели закрыть. Тут же говорится о реакции, с какой официальные представители «системы» сразу встретили и далее отнеслись к этой бесценной деятельности о. Антонина.

«Осмотревшись на месте и убедившись, что дело действительно ведется к этому жалкому концу (закрытию Миссии. — Автор), я, чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом (по сведениям, не подлежащим сомнению, в Азиатском Департаменте составилось мнение, что я добиваюсь (или присваиваю себе) политического значения в Палестине Духовной Миссии. Что сказать, чтобы не обидеть лиц, когда-то любимых? Видно, не у одного страха глаза велики!), ни на церковно-каноническом, ни даже на миссионерском поприще, ограничился одним чисто поклонническим значением своей Миссии и нашел способ путем территориальных приобретений и устройством в разных местах русских приютов поставить ее и крепче, и весче, и, пожалуй, даже блестяще, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине. Могла простить мне это «система»? Я не дитя, чтобы поверить этому»⁶⁸.

Решив направить энергию Миссии по такому руслу, о. Антонин в 1868 г. покупает участок в Хевроне с Дубом Мамзрийским. Один из исследователей жизни о. Антонина так описывает приобретение этого участка:

«Огромный дуб с тремя широко разросшимися ветвями, выделяющийся своей величиной среди виноградников и маслин, с давних пор является объектом религиозного почитания местного населения именно как дуб Авраамов. Следует заметить, что арабское население Хеврона считалось всегда наиболее фанатическим из всех мусульманских племен Палестины. Непримируемость хевронских шейхов была общезвестной. Христиане проникают туда очень поздно и доньше в малом числе. Первым христианским просветителем, не убоившимся поселиться в Эль-Халиле (арабское название Хеврона), был наш о. Антонин.

После тщательных разведок на месте и серьезного размышления о. Антонин решился попытаться приобрести Дуб. Это решение поддерживал в нем и драгоман Миссии Я. Е. Халеби. Самый участок с библейским древом, сравнительно небольшой, принадлежал уже более 70 лет некоему Ибрагиму Шаллуди, получившему его в наследство от своего отца Османа...

На основании тщательного и осторожно собраных сведений являлась вероятностью предполагать, что Ибрагим не прочь будет продать даже и самую святыню. Трудность была только в формальности, как узаконить продажу. Конечно, нельзя было и думать о том, чтобы действовать открыто и законным путем купить Дуб на русское имя. Тут-то и оказал неоценимую услугу Яков Егорович (Халеби, драгоман Миссии. — Автор)...

После длительных и томительных переговоров, затягивать которые арабы такие мастера, комбинаций, предосторожностей, бесчисленных бакшишей, тоже столь необходимых в той среде, Шаллуди продал участок земли с Дубом Якову Егоровичу, на что был немедленно составлен законный владельческий акт («кушан») на его же, Якова Халеби, имя...

После этой сделки удалось купить еще несколько прилегающих к Дубу смежных владений и таким образом округлить нашу там усадьбу...

Ныне на этом обширном участке красуется прекрасный приют для паломников, сторожевая башня, две цистерны для дождевой воды — все это сооружения о. Антонина, не говоря уже о величественном новом храме, начатом постройкой в 1907 году при начальнике Миссии архимандрите Леониде (Сенцове) и освященном в 1925 году»⁶⁹.

Особо нужно остановиться на приобретении отцом Антонином двух участков, связанных с евангельскими повествованиями. Это ценнейшие участки земли на Елеонской горе и в Айн-Кареме, который древнейшим преданием отождествляется с Горним градом Иудовым.

С 1868 по 1889 г. отцом Антонином были куплены восемь участков на Елеоне, за которые было заплачено 20 тысяч франков. Вскоре после оформления акта купли-продажи началась постройка церкви, колокольни и домов. Елеонская гора, освященная вознесением Спасителя, уже давно привлекала к себе взор о. архимандрита Порфирия. Другой начальник Русской Духовной Миссии осуществил мечту архимандрита Порфирия о постройке русского храма на Елеоне. Отцу Антонину хотелось на Елеоне устроить мужской монастырь, однако недостаток средств задерживал не только организацию монастыря, но и возведение построек.

В 1877—1878 годы во время русско-турецкой войны отец Антонин вынужден был уехать из Палестины. Пробыв тревожное время в Греции, он вернулся в Иерусалим и приступил к продолжению строительства храма, т. к. в его отсутствие дело остановилось. В 1885 г. постройка церкви и ее штукатурка были окончены, и в том же, 1885, году было совершено освящение храма во имя Христа Спасителя. Греки не разрешили освятить храм в честь Вознесения. В 1886—1887 гг. окончились работы по устройству лестницы и решеток на колокольне, и с Елеона стал разноситься по окрестностям русский звон, который как бы вторил миссийским колоколам. Колокол для Елеона был отлит больший, чем миссийский, этот колокол из Яффы до Иерусалима наши усердные паломники везли своими силами. Колокольня Елеонского монастыря самая высокая в Палестине. Говорят, что о. Антонину хотелось сделать ее еще выше, чтобы, подъезжая на пароходе к Яффе, наши паломники в ясную погоду могли бы ее видеть, но турецкое правительство якобы не разрешило этого. Монастырь так и не удалось создать отцу Антонину. Это благое желание осуществилось уже после его смерти.

Не менее ценным приобретением, чем Елеон, была покупка земли в Айн-Кареме.

Вместе с землей о. Антонин купил и два дома. Вскоре после оформления купли-продажи на этом месте начинает устраиваться женская община монастырского типа.

Правила, какими регламентировалась жизнь общины, были утверждены Св. Синодом в 1898 г. Несомненно считая Айн-Карем Горним градом Иудовым, о. Антонин исходатайствовал в Св. Синоде установление особого праздника в память посещения Богоматерью своей праведной сродницы Елисаветы после Благовещения. Указом Синода от 5 августа 1883 г. определялось праздновать в Горненской общине особый день в память пришествия «в Горняя» Богоотроковицы и ее пребывания здесь в течение трех месяцев. Это празднование совершается 30 марта, если этот день не попадает на время от Лазаревой субботы до Пасхи. Иначе, празднование переносится на пятницу Светлой седмицы. Для службы этого горненского праздника о. Антонином были составлены особые стихиры и тропарь с кондаком. Канон на утрени в этот день положен благовещенский.

По указу Св. Синода служба в Горненский праздник должна совершаться вся по благовещенской главе Типикона, включая литургию св. Иоанна Златоуста⁷⁰. Митрополит Анастасий, глава Карловацкого раскола, отменил это распоряжение Св. Синода, и в праздничный день стали совершать литургию Преждеосвященных Даров. В 1956 г. начальник Мис-

сии архимандрит Пимен особым рапортом обратился к Святейшему Патриарху Алексию о восстановлении старинного синодального Указа. Святейший Патриарх это ходатайство удовлетворил, и теперь снова восстановлена старая традиция.

Так началась и доныне красуется, являясь одним из живописных уголков окрестностей Иерусалима, Горненская обитель, вся утопающая в зелени кипарисов, маслин и цветущих олеандров. Все деревья являются живыми памятниками неутомимого трудолюбия рабочих рук русских людей, преобразивших дикие и пустынные скалы Айн-Карема.

В 1868 г. о. Антонин в пригороде Яффы приобрел пустырь под названием «Дарбатейн Табита». Местное яффское предание связывает этот участок с местом последнего упокоения праведной Тавифы, воскрешенной апостолом Петром. В саду имеется часть древнего кладбища, где и предполагается гроб праведницы. Ежегодно в воскресный день, когда читается повествование из «Деяний св. апостолов» об этом событии, в неделю о расслабленном тысячи арабов со всей Палестины стекаются доныне на это место, чтобы здесь провести этот праздничный день. Другое празднование св. Тавифы бывает 25 октября (7 ноября н. с.), но этот день празднуется более скромно, и не бывает тогда такого многолюдства, как весной.

В 1884 году началась переписка с Петербургом по вопросу постройки церкви в Яффе, которая и была заложена в 1888 году в честь св. ап. Петра и св. праведной Тавифы. Этот чудный храм стоит на возвышенном месте, и до сих пор колокольня храма является самой высокой, недостижимой точкой в Яффе, Тель-Авиве и в их окрестностях. Белый иконостас этого храма был пожертвован Палестинским Обществом. Он является подарком о. Антонину ко дню 25-летнего юбилея его палестинского жития⁷¹.

Через некоторое время после покупки этого участка на нем стали высаживать деревья, был построен дом, где любил бывать о. Антонин. Скоро вся эта земля превратилась в цветущий сад, и по сей день русский сад в Абу Кабире (район Яффы, где наш храм и сад) — одно из красивейших мест в Яффе. Освящен храм был в 1894 году 16 января. Освящал его патриарх Иерусалимский Герасим в сослужении митрополита Петры Аравийской и архиепископа Иорданского⁷².

Служба св. Тавифе всегда правилась по общей Минес. На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 29 декабря 1957 г. было постановлено «поручить Начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Никодиму составить проект службы в честь св. Тавифы»⁷³.

Начальство к этому большому делу о. Антонина (покупка земель) относилось неодобрительно. Прежде всего на это неблагоприятно смотрел благодетель о. Антонина граф Игнатъев, посол в Константинополе. В одном из своих писем он шуточно писал о. Антонину: «Спасибо, что в турецких владениях существует лишь одна Русская Духовная Миссия, а не несколько. Если бы было несколько «Духовных Миссий» или несколько приобретателей разных земельных углов, то, право, бежать пришлось бы из Турции — не туркам, а русскому представителю, да еще, пожалуй, православным иерархам, которым житья не будет от турецких и европейских подозрений. Шутки в сторону, а письмо Ваше, многоуважаемый и душевнолюбимый отец, меня как варом обдало. Если бы везде заваривались такие неожиданные «каши», как ваша «дубовая», то хоть в отставку подавай; во всяком случае брось политику и возись с разными муфтиями, бейями, пашами из-за ненужных России клочков земли, для незаконного приобретения которых тратятся напрасно (курсив графа) русские деньги»⁷⁴.

Если друг о. Антонина так относился к покупке земель, то что было говорить про Петербург, который вообще-то и к Миссии, и лично к о. Ан-

тону не особенно благоволил. С земельными приобретениями усиливались позиции Миссии, а этого не хотели в Петербурге.

Поэтому Петербург не только неблагоприятно смотрел на это, но даже запрещал о. Антонину покупать землю⁷⁵.

Такое отношение столицы, естественно, вызывало справедливое возмущение и удивление о. Антонина. Странно получилось, что все исповедания покупали земли в Палестине, а Россия, стремившаяся к покровительству Православию и к укреплению своих позиций, отрицательно смотрела на это из-за некоторых сомнительных дипломатических опасений.

До сих пор мы говорили об отношениях о. Антонина то с Патриархией, то с консульством, то, по вопросам земельных владений, с Петербургом. Все это часто и много огорчало начальника Миссии. Интересно теперь рассмотреть и внутреннюю миссийскую жизнь, отметить события, какие были внутри ее. Одним из выдающихся событий в Миссии за время пребывания в ней о. Антонина, на наш взгляд, было освящение 27 октября 1872 г. Троицкого собора, закладка которого так торжественно была совершена при епископе Кирилле.

Освящение совершил Патриарх Кирилл в сослужении с пресвященными Газским, Назаретским, Лиддским и Тивериадским. Вскоре после освящения собора ко дню Рождества Христова на колокольню Миссии был поднят большой колокол⁷⁶.

По мере своих возможностей, а они, как мы видели выше, были весьма ограниченными, о. Антонин как начальник Миссии помогал паломникам. Общее руководство всем паломническим делом от Миссии, как уже говорилось, было взято, но в Миссию часто обращались паломники различных званий со своими нуждами. Иногда просили оказать материальную помощь или содействие в различных обстоятельствах жизни. Паломники духовного звания часто обременяли начальника Миссии просьбами оставить их в Иерусалиме на службе в Миссии. Один из них, слепой иеромонах Феодосий из Борисоглебского Дмитровского монастыря, прожил в Миссии много лет почти как иждивенец. Если о. Антонин мог, то он всегда помогал всем, обратившимся к нему⁷⁷.

Бывали случаи, когда в Миссии с благословения Св. Синода совершали пострижения благочестивых паломников⁷⁸. С образованием же Горненской общины все паломники, желающие пострига, могли оставаться там для принятия монашества.

Ввиду длительного проживания многих паломников в Палестине, Миссия часто должна была служить для них приходским храмом, где совершались и крещения младенцев, и венчания, и погребения усопших⁷⁹. Приходилось оказывать паломникам и материальную помощь, хотя на это денег из казны совсем не отпускали⁸⁰.

По соглашению с архимандритом Палестинское Общество избирало одного из членов Миссии для проведения бесед и духовно-нравственных чтений с паломниками.

Миссия отзывалась на всякую нужду паломников. Так, однажды по просьбе консула, когда в Иерусалиме было множество больных и русская больница была переполнена, около 100 человек заболевших было помещено в доме Миссии⁸¹.

Нужно еще добавить, что в миссийских храмах, а особенно в великолепном соборе, совершались торжественные богослужения на родном языке, которые доставляли паломникам много утешения во время пребывания в чужом краю. Паломники всегда чувствовали, что Миссия бескорыстно готова для них ко всякому проявлению заботы и внимания, принимая их, как своих родных чад, и платила Миссии и ее духовенству своей взаимной любовью и преданностью.

Отец Антонин просил Св. Синод увеличить расходную статью сметы для того, чтобы Миссия могла больше помогать школам и арабскому духовенству. Для этого испрашивалось две тысячи рублей. Св. Синод

отказал в просьбе, мотивируя это тем, что ввиду церковных нужд в самой России большое пособие сейчас дать невозможно, а небольшое пособие не даст больших результатов⁸².

Отец Антонин думал и о других местах Палестины. К нему, а не к кому иному, обращаются с просьбами об открытии школ жители Наблуса и Бетсахура, Яффы и Каны Галилейской, и даже заиорданского Керака, а также и других мест Палестины. У него просят содействия и помощи для православной школы в Бейруте. К нему обращаются за помощью и учителя. И никому не было отказа у благостного начальника Миссии. По мере своих возможностей он помогал образованию сирийских и палестинских арабов⁸³.

Не отказывал о. Антонин в просьбах и другим единовѣрцам. Когда в 1870 г. к нему обратилась Диярбекирская община болгар, то он помог им необходимыми книгами и церковной утварью⁸⁴.

Много расходов несла Миссия при о. Антонине. Интересно знать, каковы же были ее финансовые возможности и доходы?

По смете, утвержденной еще при епископе Кирилле, Миссии отпустили на все расходы 14 650 руб. Пробыв в Миссии 4 года, о. Антонин окончательно убедился, что этого недостаточно для нормальной жизни и просветительной деятельности Миссии. Тогда о. Антонин в 1869 году подал свой рапорт в Св. Синод об увеличении ассигнования на расходы начальника Миссии, которые шли на благотворения и поддержание образования в Иерусалиме и Палестине. В Синоде категорически отклонили этот рапорт и только потребовали уточнений, куда идут деньги из отпускаемых по смете сумм⁸⁵.

Двадцать лет в финансовой жизни Миссии не было никаких перемен. В 1889 году Палестину посетил брат императора великий князь Сергей Александрович. Он же был председателем Палестинского Общества. После своего возвращения в Петербург он обратился к обер-прокурору Синода Победоносцеву с письмом от 6 июля 1889 г. № 73, в котором писал:

«Во время последнего моего посещения Святой Земли я лично убедился в недостаточности личного состава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в которую входят, кроме начальника, два иеромонаха и один иеродиакон.

Между тем круг обязанностей Духовной Миссии ежегодно увеличивается. Кроме постоянной службы в Троицком соборе на Русских Постройках, является ныне существенная необходимость в еженедельной службе в новосозданном храме св. Марии Магдалины, в храме Вознесения на Елеокской горе и в храме Казанской Божией Матери в Горнем, а в недалеком будущем предвидится сооружение еще двух церквей.

Испрошенное мною у Его Блаженства, Иерусалимского патриарха, разрешение на еженедельную русскую службу у Гроба Господня остается без исполнения именно ввиду того, что при нынешнем личном составе Духовной Миссии службу эту некому исполнять.

Наконец, нельзя оставаться равнодушным к тому недостатку духовного призрения, которое ощущают наши православные поклонники, и недостаток этот становится ощутительным по мере того, как улучшается их материальный быт.

Я прилагаю при сем проект нового штата Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, прося Ваше Высочайшее поручить его внимательному рассмотрению, причѣм, однако, считаю необходимым приговорить, что показанное в оном число лиц едва ли может быть сокращено без ущерба для дела.

Общий ежегодный расход на Духовную Миссию нечислен по проекту в 30 000 рублей золотом: недостающую сумму Палестинское Общество, которое несет обязанности Палестинской Комиссии, находит возможным удалить из тех 30 000 рублей кружечного сбора, которые перешли ныне в его распоряжение»⁸⁶.

Просьба была немедленно уважена, и Миссии было ассигновано 30 тысяч рублей золотом. Безоговорочное увеличение штата Миссии не было результатом заботливого отношения к ее нуждам. Здесь играло роль только письмо близкого родственника царя. Вскоре после этого о. Антонин обратился в Св. Синод с просьбой о небольшом пособии для церквей в Горнем и на Елеоне, но ему отказали⁸⁷.

Петербург на деньги был скуп, и Миссии приходилось «торговаться» за малейший перерасход или с Синодом, или с Палестинской Комиссией⁸⁸. Только Палестинское Общество было щедрее в этом отношении. Часто бывало, что расходы, связанные с ремонтами храмов, хотя и с оговорками, но возмещались Миссии из Синода⁸⁹. Однако имели место и такие случаи, когда Миссии Петербургом разрешалось какое-либо благоустройство, но... на свои средства⁹⁰.

Синод часто отклонял просьбы о денежной помощи для Миссии, но некоторые архиереи от себя жертвовали Миссии деньги на ее святое дело. Например, митрополит Московский Иннокентий пожертвовал 300 руб. лично от себя и 500 руб. от Троице-Сергиевой Лавры, а митрополит Киевский Арсений — 556 руб. на приобретение Дуба Мамврийского⁹¹.

Единственной щедро дающей и неоскудевающей рукой была для Миссии рука русского верующего народа. Мы не будем называть всех имен и сумм, пожертвованных в Миссию, из-за невозможности все это перечислить, нужно только сказать, что пожертвования были самые различные от нескольких рублей до тысяч, жертвователями были представители буквально всех сословий России, проживавшие на всем ее необозримом пространстве до Якутии включительно. Жертвовали деньги, жертвовали и драгоценности, жертвовали и вещи, особенно жертвовали все необходимое для храмов⁹². Деньги посылались как начальнику, так и другим членам Миссии. Только благодаря такой широкой народной поддержке и можно было сделать Миссии и о. Антонину то, что было сделано.

Отношения Миссии с инославным миром во время о. Антонина были нормальными.

Эфиопскому монастырю в Иерусалиме о. Антонин оказывал небольшую финансовую помощь⁹³.

Одним из выдающихся событий из русской иерусалимской жизни были раскопки близ храма Гроба Господня, сделанные под руководством о. Антонина. По евангельским описаниям место распятия и погребения Спасителя было близ города, но за городскими стенами, т. к. на основании Ветхого Завета нельзя было устраивать кладбища в черте города, а только «вне стана». В настоящее время Гроб Господень оказался почти в центре Иерусалима. Недалеко от храма Гроба Господня был участок земли, на котором были торчащие из земли остатки древних колонн. Этот участок, принадлежавший коптскому священнику, был в 1859 году куплен Русским правительством для постройки здесь дома для консула. В 1860 году было решено консульский дом строить на приобретенном большом месте на Мейдамской площади. Купленная земля осталась без внимания, но об этом месте разные ученые говорили, что тут должны в земле храниться ценные остатки древности.

В 1883 году под руководством о. Антонина начались раскопки, которые подтвердили, что место распятия и погребения Христа было за городом. Этими раскопками были обнаружены древняя городская стена Иерусалима и порог судных врат, через которые, выходя из города, переступил Божественный Страдалец за грехи мира⁹⁴.

На месте этих раскопок был построен храм в честь св. Александра Невского⁹⁵.

Раскопки в Иерусалиме были продолжением научных занятий, которые вел о. Антонин в течение всей жизни. Где бы он ни был: в Греции, на Афоне, на Синае, в Иерусалиме и т. д. — он всюду пылливо изучает древ-

ности. Большую переписку ведет о. Антонин с научными учреждениями. Благодаря своим трудам он становится почетным членом как академии, так и различных научных обществ. Множество дипломов его, хранящихся в архиве Миссии, до сих пор красноречиво говорят об этом.

Вот как описывает проф. А. Дмитриевский жизнь о. Антонина в иерусалимские годы:

...«в своем изолированном положении, предоставленный сам себе, он не сидел сложа руки, но весь день и большую часть ночи посвящал неустанному напряженному труду. Двери его келлии с раннего утра до позднего вечера не закрывались; рано утром он принимал туземцев — арабов, решая их споры, давая полезные советы, оказывая им материальную помощь предметами первой необходимости и деньгами. Их сменяли учителя и учительницы основанных им школ, члены Миссии, испрашивая его советов и распоряжений, каждую минуту свободно и доверчиво шли к нему русские паломники: сановники, купцы и крестьяне, богатые и бедные, стараясь найти у него разрешение волновавших их недоуменных вопросов, и о. Антонин подолгу и охотно беседовал с каждым, чем успел многих из них привлечь на свою сторону и расположить быть активными пособниками ему в том деле, которому он отдался всей душой. Только поздним вечером он оставался один, но не одиноким: друзьями его и собеседниками были любимые им книги. В это время до позднего часа ночи он сидел то над какой-либо старинной рукописью или фолиантом, то вел ученую археологическую работу, то корреспондировал в газеты и к частным лицам, то, вооружившись лупой и имея под руками капитальные нумизматические издания, напрягал все усилия своего зрения над чтением какой-либо старинной римской или греческой монеты (о. Антонин был страстный нумизмат), то удалялся на устроенную им над Миссией обсерваторию, чтобы провести несколько времени, изучая дивную твердь небесную с ее неисчислимым разнообразием светил, то садился за свою «повесть временных лет», поверяя ей думы, чувства, мысли и впечатления прожитого трудового дня и таким образом давая будущему историку нашего времени весьма ценный материал для характеристики, то, наконец, вооружившись иглой, штопал свою ветхую рясу и дырявый чулок... Шум савовара на столе и «любимое питье дальней отчизны» — чай, вот что составляло непремненное дополнение в его кабинете при этой его вечерней работе...

После такого делового дня нередко рано утром его видели уже выезжающим с русских построек в сопровождении своего верного драгомана Якова Халеби, как говорили шутники: «в разъезд по епархии», т. е. для обозрения каких-нибудь построек, земельных участков, любимого Бет-Джальского приюта или приютов в Хевроне, Горней, в Иерихоне и в других местах... И так прожил в Св. Земле незабвенный о. архимандрит целых 28½ лет, трудясь изо дня в день, не зная отдыха»⁹⁶.

В 1894 г. была закончена церковь св. ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе. Освятить ее приехал сам Патриарх Герасим, и о. Антонин, разумеется, при этом (16 января) сослужил ему. Тут-то, по-видимому, он и заболел разлитием желчи. В марте он уже почти не вставал с кровати. Чувствуя приближение кончины, он вызвал к себе своего духовника, настоятеля лавры св. Саввы, иеромонаха Анфима и 18 марта был им напутствован в будущую жизнь. 19 марта в присутствии консула нашего С. В. Арсеньева о. архимандрит Антонин изложил в духовном завещании свою последнюю волю:

1. Синоду он передавал все земельные имущества и печатные книги своей библиотеки;

2. Миссии — музей древностей;

3. Эрмитажу — найденный им при раскопках бюст Ирода Великого (копия его хранится сейчас в археологическом кабинете Московской духовной академии. — Автор);

4. Киевской духовной академии — телескоп Секретана, а другой, меньший, брату Михаилу Ивановичу, жившему в Перми и также большому любителю астрономии;

5. В Далматовский монастырь — наперсный крест;

6. Святому Гробу — панагию с сибирскими камнями;

7. Кафедральному собору в Перми — другую панагию;

8. Публичной библиотеке в Петербурге — собрание рукописей греческих и южно-славянских, но с условием, чтобы за них было выплачено 5000 руб. Русскому Посольству в Константинополе с тем, чтобы оно их обратило на постройку церкви муч. Антонина в Ангоре (Анкира), где он и пострадал;

9. Свою «повесть временных лет» — 19 больших тетрадей в 4 долю листа его дневников, изо дня в день водимых с 1841 года, он завещал Синоду, но с тем, чтобы для печати ими воспользоваться было можно только через 40 лет после его смерти⁹⁷.

24 марта в 2 часа пополудни о. игумен Вениамин, старший член Миссии, стал читать отходную над угасавшим о. Антонином. В 4 часа ударил к вечерне под Благовещение. Больной спросил: «К чему это зноят?»...

А через некоторое время протяжный и заунывный звон колоколов возвестил Иерусалиму, что о. архимандрит закончил свой страннический путь по лицу земли и душа его пошла «в путь вся земли».

Так закончилась жизнь самого выдающегося деятеля Русского Православия в Иерусалиме и на Востоке.

Русская Духовная Миссия от смерти о. Антонина до войны 1914 года

Весть о смерти о. Антонина поставила Св. Синод в затруднительное положение: надо было назначать нового начальника Миссии, а подходящего кандидата не находилось. Это было неудивительно. Ведь почти 30 лет во главе иерусалимской Миссии стоял о. Антонин. В Петербурге вообще мало думали о Миссии, а поскольку дела в ней шли нормально, не было никаких причин для проявления к ней интереса. О ней как бы забывали в Синоде. И вдруг о. Антонина не стало. После этой тяжелой для Миссии утраты Св. Синод поручает настоятелю Симонова монастыря в Москве архимандриту Арсению выехать в Иерусалим, чтобы временно управлять делами Миссии и принять все богатое наследство, которое оставил Иерусалимской Миссии о. Антонин⁹⁸. Тем временем в Синоде подыскивали кандидатуру нового начальника Миссии.

Во второй половине апреля архимандрит Арсений был уже в Иерусалиме. Свою деятельность по временному управлению Миссией он начал с того, что по описям, составленным представителями Миссии и Генеральным консульством сразу после смерти о. Антонина, принял в заведывание все имущество Миссии, находящееся на разных миссийских участках, и стал знакомиться с бумажными делами покойного. Всю переписку о. Антонина, согласно распоряжению из столицы, следовало переслать в Св. Синод.

В архиве Миссии сохранилось только несколько документов, связанных с пребыванием архимандрита Арсения в Иерусалиме. Эти документы показывают, что временный исполнитель обязанностей начальника Миссии чувствовал себя временным жителем Иерусалима, руководил только текущей жизнью постольку, поскольку это было необходимо для поддержания в ней определенного порядка, чтобы потом, передав все дела постоянному начальнику, преемнику незабвенного отца Антонина, возвратиться в Москву.

Новым начальником Миссии был назначен постановлением Св. Синода 16 июля того же 1894 г. настоятель Саровской пустыни игумен Рафаил. По определению Св. Синода игумен Рафаил был возведен в сан архимандрита Петербургским митрополитом Палладием в начале августа.

При назначении на должность начальника Миссии архимандриту Рафаилу предписали принять все имущество по описям и озаботиться пополнением Миссии достойными иноками⁹⁹.

Взаимоотношения архимандрита Рафаила с Иерусалимской Патриархией были равными. Нет никаких свидетельств о близости и дружбе с греками в то время, но не было также никаких и неприятностей.

Интересен факт, что в 1894 г. к Патриарху Герасиму через русских консулов в Мельбурне и в Иерусалиме обратилась община православных греков и сирийцев из Мельбурна в Австралии о присылке туда священника из Иерусалима. Патриарх Герасим определил туда иеродиакона Иосифа, который потом отказался ехать в Австралию из-за того, что прислали мало денег на дорогу. Православная община в Мельбурне решила тогда обратиться с просьбой о священнике в Св. Синод в Петербург. По ходатайству архимандрита Рафаила в Австралию был назначен член Миссии иеромонах Нифонт, владеющий арабским языком, а сама церковь подчинена ведению Петербургского митрополита. По случаю назначения на самостоятельную должность за границей иеромонах Нифонт был награжден золотым наперсным крестом¹⁰⁰.

Вследствие неосмотрительности русского Генерального консула в Иерусалиме Арсеньева, поездка была задержана¹⁰¹, и потом эта зависимость Мельбурнской церкви от Российского Св. Синода не сохранилась, о чем свидетельствует в своей книге прот. Мальцев¹⁰².

В отношениях архимандрита Рафаила с консульством за все время его пребывания в Иерусалиме не было никаких эксцессов. Все было спокойно с обеих сторон при соблюдении разных официальностей, вежливости и т. п.¹⁰³

Вопрос об обслуживании паломников, как мы уже знаем, был всецело в руках Палестинского Общества. Однако некоторая путаница в этом вопросе продолжала оставаться. Так, когда новый консул Яковлев посетил некоторые участки Миссии, где останавливались паломники, то потом делал замечания, предложения и ставил на вид архимандриту Рафаилу разные отрицательные моменты в обслуживании паломников. Предложения его были требовательны, как исходящие от власти имущего лица. Некоторые его замечания касались чисто внутренних миссийских дел.

Это лишний раз показывает, что в Петербурге, откуда только приехал Яковлев, все же не было ясности в функциях Миссии и Палестинского Общества.

Из различных работ по благоустройству Миссии за время начальствования архимандрита Рафаила нужно отметить устройство в Миссии канализации в 1895 г. и ремонт Троицкого собора, церкви св. Марии Магдалины и здания Миссии¹⁰⁴.

В годы правления архимандрита Рафаила на миссийских участках в Горнем и на Елеоне шла застройка земли домами. Первое время на Елеоне не было запрещенно строить дома и мужичинам — паломникам и духовенству, но постепенно преобладание переходит к женскому полу, что послужило потом (1907 г.) основой для учреждения там женской общины.

Для Горненской общины, устроенной еще при покойном о. Антониче, летом 1898 г. Св. Синодом определенным за № 2699 были утверждены руководственные правила. 21 пункт этих правил охватывают приблизительно всю жизнь общины. Для большей ясности приводим текст первых шести правил. Вот они:

«1) Горненская женская община состоит в подчинении и послушании начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, который есть ее непосредственный начальник и покровитель.

2) Сестрами Горненской общины признаются русские подданные, владеющие домом или частью дома в ограде общины на основании законно составленного заявления (по форме, приложенной в конце сих правил).

3) Все наличные сестры в заранее определенном по благословиению

начальника Духовной Миссии собрания избирают 5 кандидатов, из которых начальник Духовной Миссии назначает одну — старшей сестрой, другую — ее помощницей и третью — заведующей ризницей, о чем и доносит Святейшему Синоду.

4) Старшая сестра заведует внутренним порядком, хозяйственной частью и общей столовой общины. Одна она по делам общины сносится непосредственно с начальником Духовной Миссии.

5) Помощница заступает место старшей сестры в случае ее отсутствия, болезни или смерти и исполняет все те поручения, которые будут возложены на нее старшей сестрой.

6) Заведующая ризницей имеет наблюдение за ризницей общины, которую принимает и сдает не иначе как по описи, а также печется о благолепии церкви»¹⁰⁵...

В 1895 г. Яков Егорович Халеби по распоряжению архимандрита Рафаила и на его деньги купил для Миссии участок земли на Елеонской горе, граничащий с прежними покупками Миссии. Этим округлялось владение Миссии на Елеоне¹⁰⁶.

В 1898 г. архимандритом Рафаилом была куплена небольшая пещера в Силоаме рядом с прежним участком.

За все время, проведенное архимандритом Рафаилом в Иерусалиме, завещание о. Антонина о его наследстве в основном оставалось невыполненным. И библиотека, и древности, и все остальное лежало еще в Иерусалиме. Только мраморная «голова Ирода» была отправлена в Эрмитаж в 1898 г. Впрочем, ответственность за выполнение воли покойного несло Русское Консульство в Иерусалиме, а не Миссия¹⁰⁷.

На основании архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме трудно судить, как расценивало начальство деятельность архимандрита Рафаила, но, судя по тому, что он не получал никаких награждений за это время (орден св. Анны в 1896 г. в этом случае нельзя считать, т. к. коронационные награждения были обычно многочисленными и без строгого учета служебной деятельности), а также принимая во внимание его переписку с В. Н. Хитрово¹⁰⁸, скорее всего нужно думать, что деятельность отца архимандрита Рафаила успешной не считали. Это подтверждается и внезапным окончанием пребывания архимандрита Рафаила в звании начальника Миссии в Иерусалиме.

В марте 1899 года он подал прошение в Св. Синод о предоставлении ему разрешения приехать в Петербург для деловых свиданий и разговоров с высокопоставленными людьми, как он писал, «для разъяснения советами их некоторых затруднительных вопросов». Старшим в Миссии для церковных дел архимандрит Рафаил предлагал оставить иеромонаха Мину, а в делах хозяйственных — иеромонаха Серафима.

Рассмотрев это прошение, Св. Синод определил: уволить архимандрита Рафаила от должности начальника Миссии с возвращением его в Россию и о дальнейшей его служебной деятельности иметь суждение по прибытии его в Петербург.

Начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме был назначен находившийся в столице на чреде священнослужения архимандрит Александр, настоятель Троицкого Калязинского монастыря Тверской епархии¹⁰⁹.

При архимандрите Александре окончательно разрешился вопрос о движении наследстве отца Антонина.

10 ноября 1899 г. архимандрит Александр получил отношение Палестинского Общества, в котором говорилось, что Общество предполагает летом следующего года командировать в Миссию опытного ученого для составления подробной описи библиотеки и музея древностей архимандрита Антонина.

Получив это отношение, архимандрит Александр написал 17 ноября письмо в Хозяйственное управление Св. Синода. Он просил разрешения

на составление описи и на принятие в Миссию музея, который был ей завещан, и библиотеки, завещанной Св. Синоду.

26 апреля 1900 г. из Синода последовал ответ, в котором говорилось, что обер-прокурор составление описей поручил профессору Московской духовной академии В. Н. Мышцину, командируемому в Палестину летом 1900 г. После составления описей архимандриту Александру поручалось принять имущество, причитающееся Миссии и Св. Синоду, в свое ведение.

23 июня 1900 г. профессор Мышцин прибыл в Иерусалим и во исполнение данного ему поручения принял от русского консула 30 июня библиотеку и 11 июля музей. 20 июля он окончил составление описей и сдал все архимандриту Александру под расписку. В то же лето из Миссии были посланы два телескопа о. Антонина: один — в Киевскую духовную академию, другой — в Палестинское Общество.

Профессор Мышцин должен был прислать в Миссию копии описей. До этого времени двери музея и библиотеки были снова запечатаны и открыты только летом 1902 года.

Восемь лет библиотека и музей были запечатаны. Неудивительно, что когда их открыли, то пришлось затратить много труда, чтобы ликвидировать грязь, пыль и моль, которая в обилии развелась там ¹¹⁰.

Библиотека о. Антонина, имеющая несколько тысяч книг, которой интересуются в Иерусалиме очень многие, и донныне составляет гордость Миссии.

Не замирала при архимандрите Александре и хозяйственная жизнь в Миссии.

В 1901 г. возник вопрос об устройстве каменных ограждений около всех миссийских участков. По законам Турецкой империи каждый хозяин земельного надела должен оградить его стеной. Отсутствие стены может быть прецедентом к оспариванию прав владельца.

Архимандрит Александр подробно донес обо всем требуемом в Хозяйственное управление. По его мнению, нужно было ассигновать около 186 тысяч франков для устройства настоящих хороших стен. Хозяйственное управление ответило на это представление, что оно не может, ввиду отсутствия средств, отпустить что-либо на это дело. В отношении Хозяйственного управления далее высказывалась просьба «найти для каменных стен финансовые возможности из миссийского бюджета, строить стены не сразу, а на протяжении ряда лет».

На это начальник Миссии с достоинством ответил, что Миссия давно этим озабочена, на ряде участков уже раньше были устроены каменные стены, а в текущий момент устраиваются в стенах сухой кладки прочные столбы в Иерихоне, в Хевроне и в Горнем. Потом эти столбы будут соединяться крепкой на извести стеной ¹¹¹.

При архимандрите Александре была переписка с Синодом относительно участка в Силоаме под названием Хакурет Уль-Баядер, или Улие. Этот участок представлял ценность тем, что на нем в скале была высечена древняя еврейская гробница, которая потом была переоборудована в христианскую церковь. В церкви сохранилась часть древней штукатурки с краской на ней и сирийская надпись.

Архимандриту Александру после оформления консулом документов на владение этим участком предписали из Синода принять в ведение эту пещеру и сохранять ее по возможности в нетронутом виде до тех пор, пока один из наших ученых палестиноведов не изучит ее. Но, судя по архиву Миссии, такого изучения так и не было сделано.

Жалование сторожам этого участка и бакшиши к Пасхе и 6 декабря выплачивались аккуратно, чтобы никто посторонний нечаянно или намеренно не повредил эту пещеру, как и другие русские владения, находящиеся вблизи. У сторожей был ключ от пещеры, и они поливали деревья, растущие тут же рядом ¹¹².

Новых земель архимандрит Александр не покупал. По поводу одного земельного владения на Елеоне, которое не хотел покупать о. Александр, он получил письмо от В. Н. Хитрово, где тот с неудовольствием писал: «Крайне скорблю, что Вы отказываетесь от переговоров относительно мусульманского места. Бесспорно, пока оно остается мусульманским, беды в этом немного, но не сегодня-завтра оно преспокойно перейдет, оттого что мы не хотели взять на себя немного о нем похлопотать, в руки латинян или протестантов. Будет ли тогда приятно, что они войдут к нам клином — другой вопрос, и тогда уже дело будет непоправимо. При покойном архимандрите Антонине покупка этого участка была бы давно осуществлена, без его же любви к Русскому делу остается только смотреть на деятельность латинской и протестантской пропаганды и бесцельно на них жаловаться»¹¹³.

Финансовые возможности Миссии в этот период остаются теми же, что и раньше. По смете из столицы отпускается прежняя сумма для покрытия штатных расходов. На средства, отпускаемые только по смете, жизнь Миссии была бы невозможна. Но дающая рука православного народа не оскудела, по-прежнему Миссия получала различные пожертвования из России и деньгами, и вещами. Иногда эти пожертвования бывали малые, а иногда значительные. Жертвы шли или непосредственно в Миссию на усмотрение начальства, или предназначались к определенному русскому храму в Палестине. Пополняла свои финансы Миссия и за счет продажи свечей, кружечных и тарелочных сборов и т. д.¹¹⁴

Как видно из отчетности этого периода, доходность Миссии по внешним суммам все время возрастала, перерасходов у архимандрита Александра никаких не было и денежных недостатков и перебоев Миссия при архимандрите Александре не ощущала¹¹⁵ и даже оказывала материальную помощь и своим служащим, терпящим недостатки, и другим соотечественникам и местным жителям¹¹⁶. Помимо этого Миссия помогала иногда местным жителям, когда к ней обращались с просьбами об устройстве в учебные заведения в России¹¹⁷.

Как известно, половина денежного поступления по смете шла за счет Палестинского Общества. Это давало повод Палестинскому Обществу контролировать расходы Миссии и иногда диктовать свои желания, что видно из писем Хозяйственного управления Синода¹¹⁸.

Вообще же архимандрит Александр пользовался уважением в Палестинском Обществе. Это подтверждается тем, что в 1900 году он был избран Советом Общества в его пожизненные действительные члены «ввиду постоянного оказываемого теплого сочувствия к целям и деятельности Общества»¹¹⁹. Этой чести не имел его предшественник. У архимандрита Александра не было и трений с Палестинским Обществом. Палестинское Общество весьма доверяло архимандриту Александру. Это видно хотя бы из того факта, когда по просьбе В. Н. Хитрово он по своему усмотрению делал изменения иконостаса в церкви св. Александра Невского, что около порога Судных врат¹²⁰.

Только однажды был случай, когда архимандрит Александр выступил против действий Палестинского Общества.

В 1903 году Палестинское Общество начало в Иерусалиме постройку нового Николаевского подворья, т. к. стала ощущаться нехватка мест в имеющихся поклоннических приютах.

Здание заложили невдалеке от собора, от его западной стены слегка на северо-запад. Архимандрит Александр написал пространное письмо в Синод, где заявлял протест по поводу постройки Николаевского подворья на этом месте. К этому была своя причина — постройка захватывала часть земли Русской Духовной Миссии и сокращала площадь перед собором, а архимандрит Александр, ввиду постоянного большого количества богомольцев, считал необходимым сделать пристройку к собору к западной его части, увеличив его полезную площадь.

Для постройки же новых помещений он указывал место: было бы лучше сделать новое здание там, где кругом Русского Подворья были только каменные стены ограды¹²¹.

Справедливый протест архимандрита Александра против действий Палестинского Общества, во главе которого стоял «августейший» председатель, остался гласом вопиющего в пустыне. Кроме того, он скоро был переведен из Иерусалима.

Подобно своим прещественникам, архимандрит Александр очень внимательно относился к своим согражданам, пришедшим поклониться святым местам. Паломничество с девятисотых годов начинает численно увеличиваться. В 1900 году впервые прибыла группа паломников, состоящая из профессоров и студентов Московской духовной академии. Возглавляя это путешествие ректор академии епископ Арсений¹²².

Чтобы способствовать большей духовной пользе паломников и отвлекать их от всевозможных нездоровых явлений церковной жизни Иерусалима, архимандрит Александр всемерно способствовал распространению среди них духовной литературы и, особенно, Священного Писания.

Руководствуясь этими мыслями, архимандрит Александр написал в Св. Синод, прося предложить правлению «Общества для распространения Св. Писания в России» на время паломнического сезона (октябрь — май) присылать в Иерусалим книгоношу для распространения изданий Общества среди русских людей. Помимо указанного желания у архимандрита Александра была еще другая цель. Такое распространение отечественной церковной литературы содействовало бы ослаблению деятельности английского Библейского Общества, которое усиленно старалось активизироваться среди наших богомольцев, и полностью подорвал бы всякие частные издания духовной литературы в Иерусалиме, которые часто выпускали недоброкачественные, в смысле содержания, книги.

Обер-прокурор Синода признал такое посланничество невозможным, т. к. Общество по своему уставу было ограничено в своей деятельности пределами России. Такое мнение обер-прокурора Синода как-то непонятно. Ведь и юрисдикция Русской Церкви не простирается на Иерусалим, тем не менее там независимая от греческой Патриархии Русская Духовная Миссия.

Одним словом, Св. Синод даже не обсуждал просьбу начальника Русской Духовной Миссии, несмотря на ее актуальность. Тем не менее в том же году «Общество для распространения Св. Писания» направило в Иерусалим книгоношу М. Ф. Кучурин, который успешно действовал в Палестине. Председатель Общества благодарил о. Александра за содействие книгоноше и ценные практические указания и просил помощи на будущее время¹²³. Видимо, архимандрит Александр как-то частным образом вошел в контакт с Обществом или просто указал место для широкого применения его трудов.

Помимо книг Св. Писания архимандрит Александр старался распространять и другие книги духовно-правственного содержания среди паломников¹²⁴.

Несомненно, выдающимся, но печальным событием в жизни Миссии при архимандрите Александре была кончина 17 января 1901 г. драгомана Якова Егоровича Халеби, много лет прослужившего Миссии верой и правдой. Тридцать семь лет безупречной, усердной и бесконечно ревностной службы отдал он России, Русской Церкви. Его услуги в содействии отцу Антонину при покупке земельных участков, по устройству русских церквей и приютов в Палестине неоценимы.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме всегда обязана благодарно вспоминать об этом великом труженике для ее процветания и славы.

На место скончавшегося драгомана архимандрит Александр назначил, вероятно, родственника почившего — Георгия Николаевича Халеби, кото-

рый вскоре был утвержден султанским правительством в Константинополе в этой должности.

Так в трудах и заботах у архимандрита Александра прошли четыре года. Все эти годы Миссия во всех отношениях была на должной высоте, что, согласно ее структуре и общему положению, главным образом, зависит от ее возглавителя. В миссийском архиве нет абсолютно никаких данных об отношениях архимандрита Александра с православным и инославным духовенством, но можно утверждать, что эти отношения были много лучше, чем нормальные.

В деятельности архимандрита Александра как начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме не было ничего особенно запоминающегося, но если четыре года жизнь Миссии протекала спокойно во всех проявлениях, это уже большая заслуга начальника, ибо спокойное течение жизни не всегда бывало в Миссии, как мы это видели и увидим.

Указом от 26 февраля 1903 года архимандрит Александр был назначен епископом Старицким, викарием Тверской епархии.

Начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме 16 апреля был назначен смотритель Заиконоспасского Духовного Училища в Москве иеромонах Леонид (Сенцов) с возведением его в сан архимандрита.

4 июня 1903 г. в Иерусалим прибыл новый начальник Миссии архимандрит Леонид, а 14 июня он уже принял все имущество от архимандрита Александра в полном порядке, как сам об этом потом докладывал Петербургскому митрополиту Антонию¹²⁵.

Как мы указывали, начало двадцатого столетия было связано с большим увеличением числа паломников. Это естественно, ибо для спокойного проживания в Иерусалиме русских паломников было сделано все, что только возможно. Помимо мирян стало приезжать и большое число духовенства, как белого, так и монашеского. Часто священноиноки, иеродиаконы и простые монахи оставались на разное время в Миссии для прохождения послушаний в помощь братии Миссии. В таком случае желающим задержаться в Иерусалиме приходилось просить свое духовное начальство о продлении отпусков. Иногда в этом отказывали, но чаще всего разрешали потрудиться в Иерусалиме на пользу родной Церкви¹²⁶.

Становилось уже обычным, что прибывали коллективы паломников из духовных академий, семинарий и гимназий, из разных русских городов. Бывали многочисленные паломнические экскурсии служащих разных ведомств¹²⁷.

В Миссии, как известно, останавливались паломники духовного звания. Как им, так и всем русским богомольцам в Св. Земле при отце Леониде Миссия оказывала всяческое содействие и не только в делах духовных, но и в житейских нуждах.

Забываясь о лучшем устройстве своих соотечественников, Палестинское Общество окончило в 1906 г. постройку Николаевского подворья на северо-запад перед миссийским собором, несмотря на бывший в свое время протест архимандрита Александра, о чем мы уже упоминали.

После постройки этого подворья туда была переведена и женская школа, помещавшаяся восемь лет в Миссии. За предоставление помещения для школы в течение такого долгого срока Палестинское Общество горячо благодарило начальника Миссии. О неудобстве нахождения школы в здании Миссии писал в Петербург архимандрит Леонид, и просьба его была удовлетворена.

Не отказывали при архимандрите Леониде в помощи и нуждающимся местным жителям, которые просили у Миссии материальной поддержки. По-прежнему жертвовала Миссия и большим-прокаженным¹²⁸. Кроме того, к архимандриту Леониду обращались очень многие с прошениями, чтобы он своим авторитетом помог устроить детей в школы и пансионаты¹²⁹.

Все традиции Миссии в отношении контактов и помощи жителям Палестины при архимандрите Леониде сохранились и поддерживались.

Нужно отметить, что хозяйство Миссии улучшалось год от года. Миссийские цитрусовые сады, виноградники и маслинные рощи приносили доходы, которые оправдывали содержание этих участков (оплата налогов, оплата рабочей силы, текущие ремонты зданий на участках), и хватало денег для того, чтобы давать питание паломникам, прибывшим на эти места. Правда, паломники клали свои лепты, кто сколько хотел и мог, в кружки, имевшиеся на всех миссийских участках. Все миссийские плантации содержались в порядке и хорошо орошались. Реализация цитрусовых плодов, главным образом, была в экспортировании их¹³⁰.

В 1904 году русский консул в Иерусалиме предложил Миссии свое посредничество в организации экспорта из Палестины оливкового масла и церковного вина для одной из епархий России. Миссия с благодарностью приняла это предложение. Вино в Миссии изготовлялось главным образом в Хевроне, а маслины были на многих участках¹³¹.

Архимандрит Леонид явился продолжателем дела отца Антонина по покупке земель в Палестине.

Деятельность Миссии в хозяйственном отношении при архимандрите Леониде может быть перечислена по пунктам, согласно имеющейся в архиве Миссии записке архимандрита Леонида, в которой он подробно говорит о всех земельных приобретениях и о разных работах на миссийских участках.

Прочитируем частично эту рукопись: «Все, что сделано в течение десятилетия (1903—1913 гг. — Автор) для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме:

1. Приобретение вновь участка в Бет-Захаре (Бет-Захар — народное название, по-арабски это место называется Бет-Шаар. Этот участок был приобретен в 1903 г. — Автор) на полпути к Дубу Мамврийскому, постройка там подворья для приема 1000 человек, превращение этого участка в плодовый сад, который будет приносить большой доход; устроен там молитвенный дом на 300 человек.

2. Расширение вдвое существующего у Дуба Мамврийского подворья, а главное постройка там большого каменного храма на 2000 человек. Этот храм готов к освящению — не достроена еще колокольня...

4. Приобретение вновь большого участка близ Вифлеема в Бет-Саури (Бет-Сахур. — Автор), где было явление ангелов пастырям Вифлеемским.

5. Приведение в порядок русского участка на Елеонской горе, окруженного каменной на мокрой кладке оградой. А главное, основана там женская община, где живут теперь около 200 сестер, для которых устроены здания и для жилья, и для рукодельных мастерских, и для золочения икон; а также устроена и гостиница для помещения поклонников на 300 чел. Выстроена также часовня для постоянного чтения псалтири и для отпевания умерших сестер...

12. В Горненской Русской женской общине выстроено много зданий для сестер, для хозяйственных надобностей, втрое больше, чем раньше. Заложен большой храм и доведен до половины высоты; за неимением средств работа по постройке храма пока остановлена (архимандрит Леонид предполагал заселить сестрами общины весь северный склон горы, владение Миссии. Стены большого и обещавшего быть красивым собора к 1914 г. были доведены до сводов. ...Началась война 1914 года... Так и стоит он до сего дня. — Автор). Кроме того, здесь выстроена гостиница для 500 паломников. Рядом с этой общиной приобретен участок земли («Место Сидения». — Автор), где, по местному преданию, молился Креститель Иоанн. Пока этот участок не приведен в порядок.

13. Закончена внутренняя отделка Русского храма в Яффе... (Архимандрит Леонид позаботился и о благолепии храмов Божиих. Под его руководством на изысканные им средства в 1905 г. были расписаны храмы Миссии — домовый в честь св. муч. Александры и св. ап. Петра в Яффе. Особенно удачной была роспись Яффского храма. Весь храм

расписан картинами из жизни первоверховного апостола. Художество живописных работ говорит о высоком мастерстве исполнителя. После росписи Яффский храм стал украшением и достопримечательностью города Яффы¹³².

В Яффский храм в 1914 г. московским купцом Запениным было пожертвовано огромное красивое паникадило¹³³, которое, к сожалению, не было повешено на подобающее место в храме, т. к. вскоре началась война. Паникадило осталось лежать в ризнице храма разобранном и находится там до сих пор.

Вообще, при архимандрите Леониде было очень много пожертвовано различной церковной утвари непосредственно как для Миссии, так и для других русских храмов в Св. Земле, построенных и строившихся. В этом помогали и насельницы Горнего и Елеона, которые или путешествовали в Россию для побуждения чувств благотворителей или вели об этом переписку¹³⁴. — Автор).

15. Близ города Хайфы на горе Кармил пять лет тому назад вновь приобретен (в 1907 г. — Автор) большой участок с густым кедровым лесом. На этом участке, с Божией помощью, выстроен русский храм во имя св. пророка Илии; и 14 ноября 1913 г. освящен Блаженнейшим Дамианом, Патриархом Иерусалимским...

17. Близ Тивериады вновь приобретен большой участок на берегу Тивериадского озера с минеральными источниками, где высаживаются апельсиновый сад и предполагается выстроить храм и барак для поклонников. Это место представляет собой чудный оазис на пустынных берегах Тивериадского озера... (Это место куплено в 1908—1909 гг. и потом получило наименование Магдальского сада. — Автор).

22. В Иерусалиме устроен приют для детей — сирот разных национальностей, но только православного вероисповедания. Дети живут здесь бесплатно, получая пищу и одежду. В настоящее время их 21 человек, желающих поступить много, но за неимением средств и этих трудно содержать.

23. Устроена богадельня для старых женщин-паломниц, остающихся навсегда в Иерусалиме, не имеющих в России ни крова, ни пристанища. Эта богадельня на 50 человек»¹³⁵...

По желанию Палестинского Общества вскоре по приезде архимандрита Леонида в Иерусалиме около церкви св. Марии Магдалины было устроено русское кладбище. Хотя и неохотно, но устное благословение Патриарха Дамнан на это дал. Архимандрит Леонид принял деятельное участие в его устройстве, за что получил благодарность из Петербурга¹³⁶. Из-за этого кладбища у архимандрита Леонида были потом некоторые неприятности с Патриархией.

Архимандрит Леонид старался во всех отношениях укрепить Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. Для этой цели он не только делал приобретения разных недвижимостей в Палестине. Видя, какую пользу дают всем большим монастырям подворья, находящиеся в крупных городах, архимандрит Леонид решил устроить в Москве подворье Русской Духовной Миссии, которое укрепило бы положение Миссии материально и оказало бы значительное облегчение во многих делах Миссии. Подворье явилось бы, если так можно выразиться, опорным пунктом Миссии в России.

Чтобы осуществить это положение, архимандрит Леонид написал в 1907 году в Св. Синод соответствующее представление, в котором мотивировал желательность передачи одного из синодальных монастырей в Москве для миссийского подворья необходимостью увеличения материальных средств Миссии и обеспечения ее подготовленными к миссийской деятельности монашествующими. Весной 1907 г. рапорт архимандрита Леонида был рассмотрен в заседании Св. Синода и оставлен без последствий, т. к. Св. Синод не признал возможным предоставить Иерусалимской Духов-

ной Миссии под подворье какой-либо из московских синодальных монастырей.

В начале 1913 г. архимандрит Леонид снова подал в Св. Синод ходатайство об учреждении миссийского подворья в Москве. Указом от 28 марта за № 5050 рапорт начальника Миссии был послан на отзыв Московскому митрополиту. На основании отзыва, данного митрополитом Макарием, Св. Синод постановил снова отклонить ходатайство начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме¹³⁷.

Помимо различного строительства на участках архимандрит Леонид сделал для Миссии большое дело тем, что по его инициативе были построены два храма — в Хевроне и в Хайфе на горе Кармил, о чем мы уже кратко упоминали.

Вскоре по приезде архимандрит Леонид стал просить, чтобы Св. Синод разрешил постройку храма на добровольные пожертвования при Дубе Мамврийском и ходатайствовал бы перед Министерством Иностранных Дел с тем, чтобы русское посольство в Константинополе получило султанский фирман на построение храма в Хевроне.

В октябре 1904 г. Св. Синодом было постановлено испросить согласие и благословение Иерусалимского Патриарха на проведение в жизнь этого благого желания начальника Миссии, и 30 октября об этом была послана грамота Св. Синода к Иерусалимскому Патриарху.

Блаженнейший Дамиан совместно с Синодом 4 октября 1908 г. особой грамотой благословил соорудить храм при Дубе Мамврийском.

Попутно заметим, что архимандритом Леонидом часть Мамврийского Дуба была спилена, т. к. дуб от древности стал болеть и крошиться, на этих отпиленных частях его стали писать иконы, чаще всего Св. Троицы, и посылать в Россию или давать в Иерусалиме именитым паломникам и благотворителям.

Между тем постройка храма шла своим чередом.

В 1914 г. в столице Турции наш посол получил фирман на освящение храма при Дубе. Но в июле того же года началась первая мировая война. Все пошло иным путем, и освящение храма задержалось.

Храм, в основном, был построен, но не закончена была еще внутренняя отделка. Красивый, просторный, трехпрестольный храм при закладке был посвящен имени Животворящей Троицы. В основание престола положили мраморную доску с соответствующим надписанием об этом событии¹³⁸.

Одновременно со стройкой Хевронского храма у архимандрита Леонида возникла мысль о сооружении церкви на горе Кармил.

Зная, с каким нежеланием греки дают разрешение на построение русских церквей, архимандрит Леонид решил, если так можно выразиться, все устроить обходным маневром. Мы знаем, что в 1907 г. им был куплен участок на горе Кармил в Хайфе. В нескольких минутах ходьбы от этого нашего владения находится католический Кармелитский монастырь, посвященный св. пророку Илиин. Известно, как русский народ почитает св. пророка Илию, а гора Кармил связана с его жизнью. Естественно, что наши паломники во множестве посещали гору Кармил, а поскольку из христианских храмов там был только католический, то они и ходили в него молиться. Архимандрит Леонид обратил внимание на это нежелательное явление.

На купленной в Хайфе земле он начал строить большое здание, называя его столовой для паломников. К 1912 г. «столовая» была готова. Архимандрит Леонид начал хлопоты перед турками о разрешении сделать из этой «столовой» церковь. Хлопоты увенчались успехом. Все соответствующие турецкие разрешения были получены. Быстро к зданию был пристроен алтарь, устроен иконостас из серого мрамора, построена колокольня. На русском участке стояло здание церкви, первой русской церкви во всей Галилее. Теперь нужно было освятить храм.

В сентябре 1912 года архимандрит Леонид устно обратился к Патриарху Дамиану с просьбой дать благословение на устройство церкви из вышеописанного здания «столовой» ввиду общего желания русских паломников иметь свою церковь на Кармиле. Говорил архимандрит Леонид и о нежелательности посещения православными католического монастыря.

Патриарх Дамиан ответил полным согласием и заявил, что никаких препятствий он не имеет, а когда храм будет готов, он его с удовольствием освятит.

В начале 1913 года окончилась отделка храма. В это же время был получен и султанский фирман, признающий этот храм «de jure»¹³⁹.

Если строительство русских храмов возбуждало греческое недовольство, то местное арабское население горячо приветствовало каждое такое сооружение. Жителям арабских поселений было приятнее ходить в церкви русские, нежели в греческие, где они чувствовали к себе презрение со стороны греческого духовенства.

Так, жители города Назарета, услышав об освящении храма на Кармиле, послали свое прошение архимандриту Леониду, чтобы Св. Синод построил бы новый русский храм в Назарете для духовных нужд местного населения и русских паломников¹⁴⁰. Это было в конце марта 1914 года, а в июле началась первая мировая война...

Архимандриту Леониду очень хотелось, чтобы на всех миссийских участках были храмы. Несмотря на строительство сразу двух церквей (в Хевроне и Хайфе), архимандрит Леонид пишет в 1912 г. в Св. Синод новый рапорт и просит благословения написать воззвание к знакомым благотворителям и иным отзывчивым православным христианам о том, чтобы помогли верующие люди, кто чем может, на постройку храма в Тивериаде на берегу священного Геннисаретского озера. Св. Синод благословил это доброе намерение отца архимандрита. Однако занятый и без того многими делами, он не успел за два предвоенных года даже и заложить новый храм¹⁴¹.

Только один год прожил архимандрит Леонид в спокойных отношениях с Иерусалимской Патриархией. В 1904 г. у него возник первый конфликт, и далее отношения все время были натянутыми, иногда только ослаблялась эта напряженность. Во всем этом, о чем будет идти речь, нетрудно увидеть, с какой неприязнью Иерусалимская Патриархия в глубине души всегда относилась к нашей Миссии в Иерусалиме, вынуждаясь при этом сохранять видимость лояльности.

Причина конфликта была самая незначительная. 11 ноября 1904 г. архимандритом Леонидом совместно с членами Миссии было совершено погребение на участке возле церкви св. Марии Магдалины одного скончавшегося сотрудника Палестинского Общества. (Мы писали, что за устройство кладбища на этом месте Палестинское Общество благодарило архимандрита Леонида — *Автор*). Событие, кажется, совершенно было обычное. Через несколько дней после погребения архимандрит Леонид получил послание от Патриарха Дамиана от 15 ноября 1904 г. за № 2550, где последний писал, что в упомянутом отпевании были нарушены канонические правила и существующие положения Православной Церкви в Св. Земле, что Миссия без разрешения Патриарха в каждом отдельном случае не имеет права совершать никаких треб в Иерусалиме, как клир чужого прихода, и тем более хоронить около церкви св. Марии Магдалины, а не на общем Сионском кладбище. (Подобные претензии бывали и потом. — *Автор*).

В ответ на это последовало пространное объяснение архимандрита Леонида от 20 ноября того же года. Архимандрит Леонид категорически отверг притязания Патриарха связать действия Русской Духовной Миссии. Он писал, что приход (Патриарх назвал Миссию «чужим приходом» в Иерусалиме. — *Автор*) не бывает по св. канонам без прихожан, а Миссия всегда с момента своего возникновения на основании данных ей из

России от предрержащих властей инструкций совершала все церковные священнодействия только для православных русского подданства. Исполнение треб как раз является выполнением Миссией своих обязанностей. Что же касается места погребения, архимандрит Леонид указывал, что генеральному консулу Яковлеву Патриарх Дамиан сам дал свое устное согласие на устройство кладбища при церкви св. Марии Магдалины, где и до этого были неоднократные случаи захоронения умерших.

Эти же мысли архимандритом Леонидом были очень подробно с соответствующими примерами изложены и в письме от 24 ноября к митрополиту Антонию (в Петербург), в котором он одновременно описывает разные случаи, когда греческое духовенство недоброжелательно относилось к русскому духовенству и богомольцам.

После отправления послания начальника Миссии к Патриарху наступило как будто бы затишье, но временное. Около четырех лет молчал Патриарх Дамиан и, наконец, 30 сентября 1908 г. братским посланием за № 1787 обратился в Св. Синод Русской Церкви, в котором выражал свое неудовольствие архимандритом Леонидом за то, что он не признает над собой юрисдикции Патриарха, что не испрашивает разрешения его на совершение треб, неуважительно относится к особе Патриарха и к местным церковным обычаям.

Для решения этого вопроса Св. Синод образовал особое совещание под председательством Ярославского архиепископа Тихона. Больше года особое совещание не выносило определенного суждения об этом, но в 1910 году в Св. Синоде занялись изучением жалобы Патриарха Дамиана.

Приведем для ясности указ архимандриту Леониду из Св. Синода от 30 июня 1910 г. за № 9058, где очень подробно говорится о всех суждениях на данную тему:

«Совещание в заседании, состоявшемся 17 февраля текущего года, — говорится в указе, — высказало следующего рода соображения по сему предмету. Обращаясь к обсуждению настоящего дела, особое совещание нашло, что наиболее существенным в этом деле представляется вопрос о том, является ли отпевание и погребение в ограде русской церкви св. Марии Магдалины умершего помощника управляющего приютами Палестинского Общества русско-подданного Николая Алексеева без испрошения на то особого разрешения Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Дамиана несогласным с церковными канонами и нарушающим право Иерусалимской Патриархии. Имея в виду: 1) что Иерусалимская Духовная Миссия по условиям ее учреждения и существования не представляет собой ни обыкновенного прихода, ни миссионерского учреждения в собственном смысле, а является, по разъяснению, данному приснопамятным святителем Московским Филаретом, посольством, представительством Русской Церкви при Церкви Иерусалимской, и потому, Ваше Высокопреподобие, находитесь под юрисдикцией только высшей власти в России — Святейшего Синода, а не Патриарха Иерусалимского; 2) что совершение треб для русских паломников является по инструкциям, преподанным начальникам Иерусалимской Миссии в 1863, 1865 и 1902 гг., главнейшею задачею Русской Духовной Миссии в Иерусалиме; 3) что право членом Миссии совершать богослужения и требы для русских паломников никогда не оспаривалось и самими греками даже тогда, когда в Палестине не было ни одной русской церкви; 4) что члены Миссии, совершая требы для русских паломников, никогда не уведомляли об этом местную церковную власть; 5) что выполнение требования Патриарха Иерусалимского об испрошении у него членами Русской Духовной Миссии разрешения на совершение богослужения или требы в каждом отдельном случае, едва ли осуществимое на практике, не имеет для себя никаких оснований, так как таковое решение дано раз на все случаи согласием Патриарха на учреждение в Иерусалиме Русской Духовной Миссии с правом духовного попечения о православных русских поклонниках в Палестине, и 6) что прере-

кания между Патриархом Иерусалимским и Вашим Высокопреподобием по настоящему поводу были уже предметом обсуждения Святейшего Синода, и Святейший Синод, как видно из определения от 24 марта — 5 апреля 1905 г. за № 1602, в настоящем деянии Миссии не усмотрел нарушения данной Вам инструкции, особое совещание пришло к заключению, что в отпевании русского подданного Николая Алексева, совершенном Вами совместно с членами той же Миссии без участия представителей местной Церкви, нельзя усмотреть нарушения Русской Миссией церковного правила, по которому отпевание покойников не может быть совершено клириками чужого прихода без разрешения на то местного духовного начальства. Равным образом не представляется оснований к обвинению Вашего Высокопреподобия в нарушении Вами церковных правил и по поводу погребения Алексева в ограде при церкви св. Марии Магдалины в Иерусалиме, как ввиду того, что, по удостоверению Вашему, Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским было дано словесное согласие на открытие русского кладбища при названной церкви, так и потому, что и раньше бывали случаи погребения на указанном кладбище русских подданных, причем погребение таковых лиц на русском кладбище никогда не вызывало со стороны местной церковной власти никаких возражений. Наряду с указанным обвинением Вашего Высокопреподобия в несоблюдении церковных правил Блаженнейший Патриарх Дамиан указывает: 1) на произведенное изменением Вами в диптихах патриаршего титула, а именно: вместо «Отца и Патриарха нашего» поминаете: «Блаженнейшего Патриарха»; 2) на устройство храмов без его, Патриарха, разрешения, на совершение священнодействий на неосвященных жертвенниках без благословения епархиального епископа и на отправление богослужения в русских храмах в то время, когда совершается литургия в храме Воскресения Христова, вопреки установленному обычаю; 3) на устройство без Патриаршего разрешения монастырских братств в Горней и на Елеонской горе и на пострижение в монашество без его, Патриарха, благословения; 4) на произвольное увеличение и уменьшение Вами числа членов Миссии без ведома Патриарха и 5) на незаконное производство при всех церквах Миссии сбора пожертвований, а также на рассылку членами Миссии воззваний в России для той же цели.

Останавливаясь на первом из указанных Блаженнейшим Патриархом Дамианом замечаний — касательно изменения Вашим Высокопреподобием в диптихах Патриаршего титула и имея в виду 1) что существующий в Иерусалимской Церкви порядок поминовения в диптихах Патриарха установился издавна; 2) что к точному соблюдению Патриаршего титула во всех случаях Патриархи всегда относились с особенною заботливостью, выражая крайнее недовольство и щепетильность при малейшем нарушении установленной формы именованья Патриарха и 3) что Святейший Синод, посылая в 1857 году в Иерусалим Преосвященного Кирилла в качестве начальника Русской Духовной Миссии, счел нужным снабдить его грамотой к Патриарху Иерусалимскому, обязав Начальника Миссии, как изложено в этой грамоте, «ни в чем не преступать указанных Вселенской Церковью правил священного чинопочитания», особое совещание нашло необходимым вменить Вам помянуть Патриарха Иерусалимского по установленной в Иерусалимской Церкви форме «Отца и Патриарха», с опущением лишь слова «нашего», ввиду того, что Иерусалимская Духовная Миссия, как изъяснено выше, находится вне юрисдикции Иерусалимского Патриарха Дамиана.

Об устройстве Вами храмов без его, Патриарха, разрешения, особое совещание нашло, что в делах Святейшего Синода нет данных для предъявления к Вашему Высокопреподобию подобного рода обвинения. Напротив, из восходивших на рассмотрение Святейшего Синода дел усматривается, что на устройство всех существующих в Палестине русских храмов было предварительно испрошено от имени Святейшего Синода разрешение

и благословение Иерусалимского Патриарха. О том же свидетельствует и ныне находящееся на рассмотрении Святейшего Синода дело о сооружении русского храма близ Дуба Мамврийского. Равным образом совещание не нашло оснований и к признанию Вас виновным в совершении литургии (в Иерихоне, Хевроне и в Иерусалиме в домово́й церкви так называемых «Русских раскопок») на неосвященных жертвенниках, ибо Святейший Синод, как изъяснено в циркулярном указе от 28 марта 1886 года за № 4, на основании постановлений бывшего в июне 1885 года в г. Казани собрания Преосвященных, разрешил миссионерам и приходским священникам совершать по нужде литургии на переносных антиминсах и престолах как в молитвенных демах, так и в других приспособленных к сему зданиях, а равно и на открытом месте.

Что касается предъявленного к Вашему Высокопреподобию обвинения в том, что Вы, несмотря на неоднократные предупреждения Патриарха, совершали литургию и прочие священнодействия, совершенно не считаясь ни с какими местными уставами и обычаями относительно порядка совершения, но приступаете к оным когда и где Вам угодно, не соображаясь ни с какими распоряжениями и правилами, и отправляете Божественную литургию вопреки установившемуся обычаю в те часы, когда совершается литургия в кафедральном храме Воскресения, то особое совещание, приняв в соображение: а) что в силу действующей ныне инструкции начальнику Иерусалимской Духовной миссии (п. 2) Духовная Миссия должна руководствоваться единственно стремлением к поддержанию духовного единения с иерусалимским православным духовенством и к укреплению в нем чувств уважения, доверия и любви к Церкви Российской, как единовой с Иерусалимской, б) что в силу п. 13 той же инструкции богослужение в русских церквах в Палестине должно совершаться в определенные дни и часы и в) что произвольное изменение Вами времени совершения богослужения в миссийских церквах не может не вызывать неудовольствия как со стороны Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского, так и со стороны святогробского духовенства, полагало бы необходимым подтвердить Вашему Высокопреподобию в точности соблюдать требование инструкции относительно времени и порядка совершения богослужения в русских храмах в Палестине.

Остановив, далее, свое внимание на пункте третьем замечаний Блаженнейшего Дамиана, а именно, относительно самовольного обращения Вами существующих в Иерусалиме русских подворий в Горнем и на Елеонской горе в женские монастыри и о пострижении Вами без разрешения Патриарха послушниц, и при том незрелого возраста, в иночество, особое совещание не могло не принять в соображение: а) что издавна существовавшие в Палестине два русских подворья обращены, с разрешения Святейшего Синода, не в женские монастыри, а в женские общины; б) что Горненское подворье обращено в женскую общину в 1898 году до назначения (в 1903 г.) Вашего Высокопреподобия на должность начальника Иерусалимской Духовной Миссии и в) что Святейший Синод, постановив в 1906 году (29 ноября — 2 декабря) определение об обращении женского общежития на Елеонской горе в женскую общину, поручил Вам предварительно испросить на то благословение Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского.

При таких данных Вам могло бы быть вменено в вину лишь неисполнение Вами Синодального распоряжения относительно испрошения благословения Патриарха Дамиана на обращение Елеонского общежития в женскую общину (но в делах Святейшего Синода нет данных для подобного заключения).

Что же касается пострижения послушниц, пребывающих на искусе в названных общинах, в иночество, то из ряда восходивших на рассмотрение Святейшего Синода дел видно, что послушницы эти были постригаемы Вами в монашество не иначе, как с разрешения в каждом отдельном

случае Святейшего Синода с представлением их документов, причем они имеют узаконенный для принятия иночества возраст.

Для вменения в вину Вам обвинения, изложенного в пункте четвертом послания Патриарха, увеличение и уменьшение Вами состава Миссии, в делах Святейшего Синода, по мнению совещания, не имеется никаких оснований. Руководствуясь утвержденным 9 декабря 1895 г. штатом Духовной Миссии в Иерусалиме, Вы всякий раз входили в Святейший Синод с представлениями как о назначении членов Миссии, так и об увольнении их из состава оной, причем по данной Вам инструкции и не требуется испрошения благословения Патриарха на всякое изменение состава Миссии.

Переходя, наконец, к обсуждению последнего (пятого) пункта замечаний Блаженнейшего Патриарха Дамиана касательно незаконного производства при всех церквях Миссии сбора пожертвований, а также рассылки членами Миссии воззваний в Россию для той же цели, имея в виду: а) что, на основании п. 10 утвержденной 20—31 мая 1902 года Святейшим Синодом инструкции Вашему Высокопреподобию, Вам вменяется в обязанность строго наблюдать, чтобы члены Миссии, состоящие при ней и служащие в оной, не взимали денежного или вещественного вознаграждения за исполнение для паломников духовных треб, а также каких-либо денежных или вещественных от них пожертвований как для Духовной Миссии, так и на известное употребление по воле жертвователей, которые могут быть принимаемы только лично Вами или опускаемы в установленные для сего кружки, и б) что на почве денежных интересов всегда возникали и впредь могут возникать недоразумения и столкновения между Русской Миссией и святогробским духовенством, особое совещание признало желательным обратить внимание Ваше на необходимость с Вашей стороны быть особенно осторожным в деле сбора пожертвований на нужды Миссии в устранение враждебных отношений к нашей Миссии со стороны святогробского духовенства.

Подвергнув всестороннему обсуждению все данные, изложенные в послании Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского от 30 сентября 1908 года на имя Святейшего Синода, особое совещание вместе с тем не могло не остановить своего внимания и на письме Вашем Патриарху Дамиану от 20 ноября 1904 года. Письмо это и по самому характеру и по своему содержанию не могло не вызвать со стороны Патриарха Дамиана огорчения на неуважительное к нему отношение Вашего Высокопреподобия: оно написано в вызывающем и непочтительном тоне, что крайне неудобно в сношениях с главой той Церкви, к которой посланы Вы, как представитель Русской Церкви.

Выслушав изложенное и вполне разделяя высказанные особым совещанием соображения, Святейший Синод определяет: предписать Вашему Высокопреподобию указом принять к исполнению указания касательно отношений Ваших к Блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому¹⁴².

Такое решение Св. Синода, видимо, мало удовлетворило Его Блаженство. В ноябре того же 1910 г. он написал новое письмо архимандриту Леониду. Этим письмом был запрещен в священнослужении миссийский иеромонах Феодосий, «занимающийся устройством обители на Елеонской горе без разрешения и благословения нашей (т. е. Иерусалимской. — Автор), — как писал Патриарх Дамиан, — Церкви... За этим последуют другие меры, — продолжал Патриарх, — которые будут предприняты против деятельности сказанного иеромонаха, направленной к созданию здесь священной обители»¹⁴³.

Несмотря на подобные трения, Миссия продолжала свой труд, а угрозы корыстных греков никого не пугали, т. к. запретить в священнослужении русского клирика, состоящего в ведении Миссии, Иерусалимский Патриарх не имел канонических оснований, а от посягательства со стороны турецких властей, которых могли озлобленные и недовольные греки

натравить против русских, Миссия была ограждена сильным авторитетом Генерального Консульства, а в это время отношения Миссии и консульства, к слову сказать, были без взаимных претензий, если не считать одного случая в самом начале служения архимандрита Леонида в 1903 г., когда консул сделал замечание Миссии, чтобы миссийское духовенство не ставило бы никаких пометок или записей в паломнических паспортах¹⁴⁴, что было совершенно справедливо.

В эти же годы в самой Патриархии возникли большие нестроения. Начались они с того, что православные арабы, недовольные отношением к себе греков, стали выступать против греческого засилья.

На основании Турецкой конституции арабы хотели образовать «православный народный совет» из 40 человек, увеличить число школ и иметь из своей нации одного епископа — члена Синода, чтобы епископы жили на своих епархиях, иметь некоторый контроль над деньгами. Иерусалимский Синод отказал наотрез во всех этих желаниях арабского православного народа. Отношения обострились. Между греками и арабами готова была вспыхнуть настоящая война. Желая успокоить страсти, Патриарх Дамиан решил удовлетворить некоторые требования арабов и, в том числе, не препятствовать образованию «православного народного совета». Такая миролюбивая политика Патриарха Дамиана вызвала ярую ненависть со стороны Синода; 13 декабря 1908 г. на экстренном заседании ночью было решено низложить патриарха. Все святогорское братство высказалось за это, но сам Патриарх Дамиан объявил свое низложение незаконным.

Большие волнения начались в палестинских городах и деревнях. В Иерусалимский конфликт хотели вмешаться патриархи Константинопольский и Александрийский. Только благодаря вмешательству турецкого правительства низложение было признано незаконным, и Патриарх Дамиан, распустив Синод, назначил в него новых членов. Испугавшись репрессий власти, бывшей на стороне патриарха, недовольные смирились и снова признали своим главой Блаженнейшего Дамиана.

Во время этого сильного внутреннего конфликта в Иерусалимской Церкви Патриарх Дамиан почувствовал и моральную поддержку со стороны Русской Церкви. Правда, никаких активных мер со стороны русского Св. Синода к воздействию на взбунтовавшихся святогорцев не было, но и низложение патриарха Иерусалимского в России признано не было. Такова же была линия поведения и Русской Духовной Миссии¹⁴⁵.

За эту моральную поддержку Патриарх Дамиан наградил архимандрита Леонида святогорским орденом — крестом с частицей Животворящего Древа.

Около двух лет все было относительно спокойно, но летом 1912 г. Св. Синод получил послание Патриарха Иерусалимского от 9 июля. В этом послании Блаженнейший Дамиан выставлял снова против архимандрита Леонида различные обвинения, выраженные в 11 пунктах. Подобное по содержанию послание Патриарх Дамиан послал и архимандриту Леониду. Архимандрит Леонид содержание этого послания и все возводимые на него обвинения довел до сведения Св. Синода рапортом от 22 ноября 1912 г., давая и соответствующие свои объяснения.

Рассмотрев послание Иерусалимского Первоиерарха, Св. Синод постановил направить архимандриту Леониду следующий указ:

«Выслушав патриаршее послание и означенные объяснения Ваши, Святейший Синод не находит в обстоятельствах настоящего дела прямых оснований к обвинению Миссии и Вашего Высокопреподобия в намеренно-враждебной, клонящейся к умалению и унижению Церкви Иерусалимской и Патриархии, деятельности, каковая, конечно, терпима быть не может; тем не менее, усматривая из некоторых частных деяний Вашего Высокопреподобия, что таковые деяния, совершенные, быть может, и по побуждениям ревности в деле попечения о русских паломниках в Палести-

не, осуществлялись без должной осмотрительности и оценки сопутствующих обстоятельств, почему в своей совокупности могли вызвать неудовольствие местного греческого духовенства и подвинуть патриарха к жалобам на нарушение Миссией интересов Иерусалимской Церкви и канонических прав ее иерархии. Святейший Синод, в сознании священной обязанности блюсти единение со всеми Православными Церквями, и, в частности, с Матерью Церквей — Церковью Иерусалимской сохранением взаимной дружбы к другу любви и уважения и необходимости для нашей Миссии в Иерусалиме быть живым органом такого церковного общения, определяет:

- 1) подтвердить Вашему Высокопреподобию, что, исполняя специальную свою задачу попечения о духовных потребностях русских паломников, Миссия при этом отнюдь не должна нарушать канонических прав и преимуществ местной иерархии и духовенства, не исключая и внешних, установленных обычаем знаков или способов воздания иерархической чести, в особенности по отношению к особе патриарха, и всемерно должна заботиться о сохранении общения с ними в мире и любви, стараясь расположить их к делу Миссии и вызвать доверие и любовь к ней, а через то и к Церкви Российской, и всячески избегать того, что могло бы повести к ослаблению священных уз между Церковью Российской и Церковью Иерусалимской, памятуя, что последнее было бы злом, которое не может быть возмещено никакими другими заслугами Миссии, и 2) имея в виду осуждаемые в патриаршем послании частные действия Вашего Высокопреподобия, предписать Вам: а) при устройении Миссией для русских паломников новых станций поблизости греческих обитателей и святых стараться заручиться предварительным устройением согласием и расположением к тому со стороны Патриархии путем выяснения ей настоятельной необходимости станции, а затем с устройством таких станций отнюдь не ставить задачи нанесения ущерба греческим обителям и братству. б) на открытие богослужений в устрояемых для русских паломников зданиях, на совершение в Миссии и в подведомых ей русских женских общинах пострижений испрашивать такое соизволение сверх испрашиваемого на то разрешения от Святейшего Синода»¹⁴⁶.

Патриарху Дамиану Св. Синод направил ответное братское послание, в котором, в частности, говорилось:

«В Послании от 9 июля 1912 года за № 982 Ваше Блаженство изволили обратиться к Святейшему Синоду с заявлением и жалобами, изложенными в 11 пунктах, на деятельность начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида как враждебную Патриархии и вообще палестинскому духовенству и направленную к умалению Св. Церкви Иерусалимской и разрыву священных уз, соединяющих Матерь Церкви с Церковью Российской.

Получив сие досточтимое послание Вашего Блаженства, Святейший Синод признал необходимым потребовать от архимандрита Леонида по настоящему делу объяснения, каковые им и представлены Святейшему Синоду от 22 ноября 1912 года.

Обсудив представленные архимандритом Леонидом объяснения, Святейший Синод не усматривает оснований к тому, чтобы отвергнуть, как незаслуживающее никакого приятия, уверение сего архимандрита об отсутствии в нем враждебности и недружелюбия к Иерусалимскому священству и тем более к пречестнейшей Особе Патриарха Святого Града. Святейший Синод скорее склоняется к тому, что если имеются некоторые действия начальника Русской Миссии, которые могут быть поставлены в вину и являются поводом к настоящим жалобам на него, то в общем это суть действия случайные, которые, пронесткая, может быть, из особой ревности в попечении о русских паломниках, а не из враждебной настроенности к Патриархии, осуществлялись архимандритом Леонидом без должной осмотрительности и всесторонней оценки сопутствующих и последующих обстоятельств.

И по этому поводу Святейшим Синодом в настоящее время преподаны архимандриту Леониду соответствующие указания и настоятельно подтверждено указом, что, исполняя свою задачу попечения о русских паломниках, Духовная Миссия при этом отнюдь не должна нарушать канонических прав и преимуществ местной православной иерархии и духовенства и что она всемерно должна блюсти общение в мире и любви, памятуя, что ослабление и тем более разрыв такого священного общения составили бы зло, невозместимое никакими заслугами Миссии. В частности, начальнику Духовной Миссии предписано, чтобы он на открытие богослужений для паломников на приобретенных Миссией местах и в возведенных для паломников постройках всегда испрашивал патриаршее соизволение Вашего Блаженства и равным образом чтобы такое же патриаршее соизволение испрашивалось и на совершение пострижений в монашество в Миссии и в подведомых Миссии женских общинах.

Святейший Синод при этом позволяет себе высказать уверенность, что Ваше Блаженство, по великой благодати и архипастырскому попечению о спасении чад Христовых, не будете ставить, без особенных, исключительных причин, препятствий тому, чтобы Русская Духовная Миссия могла доставлять русским паломникам возможность чаще слышать святое богослужение на понятном языке, да утешаются они снм даром и разумно прославляют Господа»¹⁴⁷.

При архимандрите Леониде завязались некоторые сношения с Антиохийским Патриархатом, которых не имелось у Духовной Миссии много лет.

В архиве Миссии есть подлинное письмо Патриарха Антиохийского Григория, где он благодарил архимандрита Леонида за поддержку при восшествии его (Блаженнейшего Григория) на патриарший престол. В чем была выражена эта поддержка — неизвестно¹⁴⁸.

Архимандрит Леонид в 1907 г. пожертвовал Патриарху Григорию две иконы от имени Миссии, за что получил патриаршую благодарность¹⁴⁹.

Архимандрит Леонид получал письма с разными просьбами от различных клириков Антиохийского Патриархата и даже от иерархов. По мере возможности эти просьбы исполнялись, и начальник Миссии получал за это благодарность¹⁵⁰.

Неоднократно Св. Синод посылал через архимандрита Леонида Св. Миро для Антиохийского Патриархата¹⁵¹.

По просьбе игумении Седнайского монастыря, около Дамаска, Миссия оказывала помощь сборщицам пожертвований в Иерусалиме. Игумения также просила пожертвовать ей в монастырь облачения и сосуды¹⁵².

Горненская община при управлении архимандрита Леонида Миссией жила своей обычной жизнью. В традицию Горнего вошло, кроме обычного богослужения, по средам после литургии совершать пение акафиста Божией Матери.

На Елеоне при архимандрите Леониде сильно увеличилось число насельников. Производились новые постройки, починялись старые. Елеон необходимо было как-то поставить в определенные рамки. И в 1906 г. Св. Синод учредил на Елеоне женскую общину в ответ на просьбу об этом архимандрита Леонида¹⁵³. В указе Св. Синода от 2 декабря 1906 г. за № 13420 говорилось, что женское общежитие на Елеоне признается общиной, на нее распространяются правила, утвержденные для Горненской общины в 1898 году. Кроме того, предлагалось архимандриту Леониду прежде объявления указа об учреждении общины испросить на это благословение Иерусалимского Патриарха¹⁵⁴.

Отношения с инославным миром трудно проследить в деятельности архимандрита Леонида ввиду отсутствия документальных данных. Однако можно предполагать, что они не были плохими, если и не было особенной близости с инославными. Так, по данному вопросу архимандрит Леонид не получал никаких замечаний из Св. Синода. Если бы в данном вопросе

было бы что-то отрицательное, то оно, несомненно, получило бы какое-то отражение в архиве.

При архимандрите Леониде был только один случай присоединения к православию, когда была принята в лоно Православной Церкви одна католичка¹⁵⁵.

С Петербургом у архимандрита Леонида отношения были нормальные, вернее сказать, обычные. Он все время состоял в переписке с Палестинским Обществом, как с руководящими деятелями Общества, так даже и с председателем его, великой княгиней Елизаветой Федоровной, у которой он однажды просил денег на храм св. Марии Магдалины, но безуспешно¹⁵⁶.

Из Палестинского Общества неоднократно писали архимандриту Леониду, что его ценят, однако различные проекты его отклоняли. Так, архимандрит Леонид писал, что необходимо Миссии завести в Палестине свои школы, ему ответили, что для таких школ кадров нет и не будет. Чтобы лишний раз напомнить о нежелательности вмешательства начальника Миссии в какие бы то ни было дела, помимо тех, которые стали достоянием Миссии, из Палестинского Общества образно писали, что Палестинское Общество и Миссия — это для паломников — Марфа и Мария, следовательно Марии не надо вмешиваться в дела Марфы¹⁵⁷.

В мае 1914 г. архимандрит Леонид был назначен на кафедру епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Одновременно с этим Св. Синод запросил у архимандрита точные сведения о всех русских земельных владениях в Палестине.

Архимандриту Леониду совершенно не хотелось уезжать из Палестины, и как только до него дошла весть о назначении епископом Балахнинским, он сразу же обратился со слезными письмами и телеграммами во все инстанции: тут и Саблер, тут и архиепископ Арсений, тут и придворные круги.

Основанием для отказа принять новое назначение архимандрит Леонид выдвигал наличие купленных им новых земельных владений, не закрепленных еще за Миссией надлежащим образом. Он просил остаться в Иерусалиме хотя бы еще на год. Св. Синодом просьба была уважена, и решение о назначении в Балахну отменено¹⁵⁸.

Через самое непродолжительное время после этого, летом того же 1914 г., началась первая мировая война. В войну друг против друга вступили Россия и Германия. Скоро Турция примкнула к войне, выступив на стороне Германии против России. Положение русских людей в Палестине сразу стало обостренным, они оказались на территории враждебного государства. Ввиду разрыва дипломатических отношений и войны между Россией и Турцией, русский консул вынужден был уехать из Палестины. Интересы России было поручено представлять испанскому консулу, но практически с гражданской стороны Миссия осталась беззащитной.

Первые месяцы войны жизнь Миссии шла сравнительно спокойно. Резких выпадов против нее не наблюдалось, репрессий со стороны турецких властей тоже не было. Тем временем ушли последние русские пароходы. Палестинское Общество, с согласия Генерального Консула, в августе 1914 г. уведомило паломников, что оно снимает с себя заботу о них и предложило выехать им из Палестины в Россию. Часть паломников отбыла с этими пароходами на Родину, часть же их осталась в Палестине, с одной стороны, не имея возможности на чем уехать, а с другой стороны, считая, что война скоро окончится победой России. С отходом последнего русского парохода оборвалась связь с родной землей.

Между тем, над русскими учреждениями в Св. Земле стали сгущаться черные тучи и, наконец, разразилась гроза. Отношение турецких чиновников стало ухудшаться. Уже давали почувствовать, что все русские, оказавшиеся на территории Турции, являются если не пленниками, то чем-то близкими к этому понятию. А в декабре 1914 г. было получено распоря-

жение, по которому всему русскому мужскому населению приказывалось покинуть Палестину и выехать в Александрию. Таким образом, вся братия Миссии, все руководство учреждениями Палестинского Общества должны были покинуть Св. Землю. В разряд лиц «personae non grata» были включены и настоятельницы русских женских общин.

Началась эвакуация. Здание Русской Духовной Миссии было опечатано, в храмах прекратилось богослужение.

Тяжелые дни пришлись на долю русских женщин, оставшихся в Палестине в это время. Продукты питания тогда можно было достать с большим трудом и за большие деньги. Чтобы не умереть с голода, русские женщины, паломницы и насельницы женских общин, вынуждены были ходить на самые тяжелые работы и за это получать гроши, которых не хватало даже на хлеб.

Были на первых порах трудности и у миссийской братии, оказавшейся невольной в Александрии, но постепенно здесь все наладилось. Св. Синод сметные ассигнования почти регулярно стал посылать в Александрию, храм для пришельцев был предоставлен, так что все было терпимо. Из всех видов деятельности Миссии в то время (в Александрии) сохранилось только обслуживание паломников и благотворительность. Долго, несколько лет пришлось русским людям находиться в Александрии. Между тем, затянувшейся войне не было видно конца, а на Родине наших паломников и невольных пленников, т. е. в России, назревали и начали совершаться великие события, благодаря которым Русь, покончив с самодержавием, пошла по новому пути.

В 1917 г. совершилась февральская революция, в Русской Православной Церкви началась подготовка к Поместному Собору, который и открылся в Москве в день Успения Божией Матери.

На Собор, чтобы представлять Русскую Духовную Миссию, прибыл из Александрии архимандрит Леонид.

Отъезжая в Москву, архимандрит Леонид 1 марта 1917 г. написал духовное завещание на все приобретенное им в Палестине, передавая купленные им участки «в собственность Всероссийского Святейшего Синода специально для Русской Иерусалимской Духовной Миссии»¹⁵⁹.

После отъезда архимандрита Леонида в Москву должность начальника Миссии стал исполнять старший иеромонах Миссии, отец Мелетий, согласно благословению Св. Синода.

Архимандрит Леонид присутствовал на заседаниях Поместного Собора, он принимал участие в обсуждении разных вопросов миссионерского характера и, особенно, вопросов, связанных с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме. Так прожил архимандрит Леонид в Москве больше года. Личные дела его шли хорошо. В Москве поговаривали о его предстоящей архиерейской хиротонии, хотя нужно прямо сказать, что сам он этого не искал и к этому не стремился. Но Господь судил иначе... Осенью 1918 года начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме заболел, и 10 ноября 1918 г. архимандрит Леонид скончался.

На этом заканчиваем мы эту главу. Начался новый период жизни Русской Православной Церкви, возглавленной Святейшим Московским Патриархом, началась новая жизнь свободной России. Дальше начинается совершенно новый период и в жизни Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Русская Духовная Миссия в лице своих начальников и всех членов и соратников трудилась честно и добросовестно над теми задачами, которые перед ней были поставлены.

Начав с тесных чужих келий Архангельского монастыря в Иерусалиме, Миссия превратилась в солидного владельца недвижимости в Св. Земле.

Враждебно встреченная всеми христианскими кругами в Иерусалиме, Миссия заняла постепенно прочное место среди них, заставив всех с собой считаться, ибо авторитет Миссии, как представительства Русской Пра-

вославной Церкви, в основном всегда был на высоте среди как инославных, так и православных Палестины.

Несмотря на многие препоны, Миссия оказала большую поддержку, и не только моральную, своим соотечественникам-паломникам.

Одним словом, Миссия многое сделала для своей Церкви, даже, пожалуй, больше, чем хотела от нее при основании. Она могла бы сделать и еще больше, чем она сделала, но ей не давали возможности для этого ни свои (как это ни обидно), ни, тем более, чужие.

Да будет же вечная память всем труженикам Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, послужившим Русскому Православию в Св. Земле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше описание истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме основилось на смерти архимандрита Леонида. Мы уже заметили, что дальше подробной истории Миссии писать не будем. Сейчас мы только кратко остановимся на основных моментах в жизни Миссии в последующие годы до наших дней.

Как мы видели, волею Божиею Миссия оказалась в Александрии, начальник ее в 1918 г. скончался. Подошло время окончания дней изгнания Миссии из Иерусалима. В это время получились изменения на политической карте Ближнего Востока. Турция в войне, как и Германия, потерпела поражение. Разные географические области, принадлежавшие Оттоманской империи, были от нее отторгнуты, и некоторые из них были переданы державам-победительницам как мандатные территории. Мандат на Палестину получила Англия, которая образовала для управления страной т. н. мандатное правительство, а во главе всего административного аппарата был поставлен верховный комиссар, назначаемый из Лондона. Англия оставалась хозяйкой в Палестине до окончания мандата в 1948 г. Напомним, что интерес Англии к Палестине начался со скромного англиканского епископства в Иерусалиме.

В 1919 году отец Мелетий возвратился в Иерусалим, вскоре сюда же прибыли иеромонахи Серафим, Иларион, Иларион и Тихон. В храмах Миссии снова началось богослужение, жизнь стала входить в свою колею, только обстановка была для Миссии, конечно, необычная. Вместо паломников Миссии приходилось духовно руководить сотнями обездоленных женщин, русского консула не было, испанский консул, представлявший интересы России, впоследствии сложил с себя эти обязанности, связь с Россией прекратилась, на свое содержание Миссия больше не получала ни копейки.

Тем временем здание Миссии было занято американским отделением Красного Креста. Для нужд Миссии оставили храм св. муч. Александры, трапезную, около половины нижнего этажа и несколько комнат на втором. Красный Крест недолго пробыл в доме Миссии, вскоре он освободил это помещение, но на его место въехали новые жильцы. В здании Миссии разместился верховный мандатный суд Палестины. Уплачивая ничтожную аренду, эти непрощенные гости поселились прочно. Верховный суд занимал миссийское здание до самого окончания мандата в 1948 г.

В это самое время в России тоже думали о Миссии. Ведь с 1914 г. не было никаких известий о состоянии имущества Русской Церкви в Палестине. На Соборе 1917—1918 гг. Миссия была включена в непосредственное ведение Московского Патриарха. Но без ведома Святейшего Патриарха Тихона т. н. временное высшее церковное управление юга России командировало в Иерусалим епископа Павла (Павленко) для выяснения положения Миссии в Иерусалиме.

В июне 1919 г. епископ Павел прибыл в Иерусалим. Иеромонах Мелетий попросил его представить необходимые документы от высшей церковной власти на управление делами Миссии. Документов таких у епископа

Павла не было. Епископ Павел обратился к Патриарху Дамнану с просьбой признать его управляющим Миссией. У иеромонаха Мелетия был указ еще Св. Синода, которым ему поручалось исполнять обязанности начальника Миссии, у епископа Павла не было ничего. Естественно, что желания епископа Павла остались без удовлетворения. Очень мало пробыв в Св. Граде, епископ Павел уехал совсем из Палестины, а Миссией продолжал управлять о. Мелетий, которого Высшее Церковное Управление Заграницей (ВЦУЗ) вскоре вторично (т. к. он уже имел назначение Св. Синода от 1914 г.) назначило исполнять обязанности начальника Миссии.

3 мая 1921 г. в Иерусалим из Константинополя прибыл член ВЦУЗ архиепископ Кишиневский Анастасий. Он очень мало пробыл в Иерусалиме, поверхностно ознакомился с Миссией и уехал обратно.

В это время возобновились женские общины на Елеоне и в Горнем. Вернулись монахини, уезжавшие в свое время в Александрию. Горненские сестры привезли с собой останки первой старшей сестры горненской общины монахини Валентины, которая скончалась в Александрии.

В 1922 г. отец Мелетий был возведен Патриархом Дампаном в сан архимандрита. Это возведение, с одной стороны, свидетельствовало о благожелательности Иерусалимского Патриарха к нашей Миссии, а с другой стороны — этот жест показал, что Иерусалимская Церковь не особенно признает авторитет ВЦУЗ, т. к. возведение о. Мелетия в сан архимандрита было сделано без всякого сношения с этим учреждением. ВЦУЗ пришлось награждать архимандрита Мелетия *post factum*.

В 1923 г. Архиерейский Синод, заменивший ВЦУЗ, назначил начальником Миссии архимандрита Иеронима, б. заместителя Знаменского монастыря в г. Курске. Недолго архимандрит Иероним был во главе Миссии. Через год, в 1924 г., он подал в Архиерейский Синод прошение об отставке.

Временное исполнение обязанностей начальника Миссии Архиерейский Синод поручил архимандриту Мелетию, который и руководил Миссией до 1928 г., когда начальником Миссии был назначен архимандрит Киприан из Югославии, преподававший богословие в Битольской духовной школе.

Архимандрит Киприан прибыл в Иерусалим 2 ноября 1928 г. и пробыл там на посту начальника Миссии до 1930 г., когда по прошению был освобожден от этой должности и снова вернулся в Битоль на прежнее место.

Начальником Миссии на место архимандрита Киприана был назначен иеромонах Афанасий (Петров), сын б. русского консула в Александрии. Почти сразу после пострига и иеромонашеской хиротонии его назначили начальником Миссии. Он малое время управлял Миссией. Далее недолго возглавлял Миссию архимандрит Мелетий, а затем Архиерейским Синодом в Миссию был назначен начальником иеромонах Антоний (Синькевич) из Югославии, возведенный сначала в сан игумена, а затем, в 1934 г., в сан архимандрита.

При архимандрите Антонии в Миссии стал издаваться журнал «Святая Земля». В этом журнале, который выходил до 1940 г., бывали неплохие статьи по церковной археологии или различные описания, но, в основном, это был журнал крайнего карловацкого направления.

Без особенных изменений жизнь Миссии шла до 1945 г. Положительного об этом периоде можно сказать только то, что в 1923 г. был восстановлен Яффский сад, засохший во время войны 1914—1918 гг., и Магдальский сад был весь обновлен. В нем также были посажены новые деревья. Однако заслуга в этих хороших делах принадлежит не карловацкому руководству Миссии, а простым русским людям, которые по чувству долга старались вернуть русским землям в Палестине их прежний вид и значение. Сады были восстановлены арендаторами из числа оставшихся русских людей, которые с другими соотечественниками не покладая рук трудились над насаждением и поливкой садов.

1945 год — исторический год в жизни Русской Православной Церкви,

таковым же он был и в жизни нашей Иерусалимской Миссии. Вступивший на Московский Патриарший престол Святейший Патриарх Алексий совершил паломничество в Св. Землю и посетил другие престолы Православного Востока. Его приезд в Иерусалим воодушевил русских людей Палестины. Ведь много лет русские люди, живущие в Палестине, не имели никаких связей с родной землей, и вдруг среди них появился Предстоятель родной Русской Православной Церкви в окружении сонма архипастырей и пастырей, прибывших со своим Первосвященником, чтобы поклониться Живоносному Гробу Господню. Все воочию увидели несостоятельность измышлений карловацкой пропаганды. Святейший Патриарх очаровал всех. Когда он прибыл в Иерусалим, то, как сказал в приветственной речи Патриарх Тимофей, потрясся весь град.

Начальник карловацкой Миссии архимандрит Антоний старался всеми силами удержать в своем расколе духовенство Миссии, монашествующих и прихожан. Однако истинные чада Матери Церкви своим сердцем почувствовали, где пребывает истина. К Святейшему Патриарху за благословением стали приходить и священнослужители, в том числе и старейший член Миссии архимандрит Мелетий, и множество монашествующих, из которых, например, схиигуменья Евгения сразу порвала общение с архимандритом Антонием. Действуя шантажом и подкупом, архимандриту Антонию удалось сохранить внешне свою организацию, но среди всех слоев русских людей Палестины образовались сторонники Московской Патриархии или, как они сами себя называли, «патриаршине».

Особенно сильная патриаршая группа образовалась в Горнем. Во главе этой группы стоял духовник монастыря неромонах Исаия. Группа «патриарших» сестер увеличилась еще больше, когда архимандрит Антоний отстранил от управления монастырем всеми уважаемую игуменью Тавифу и назначил на ее место никому неизвестную, перед этим только постриженную в монашество, Елисавету. Игуменья Тавифа была уволена только за то, что угостила чаем приезжавшего в монастырь как туриста советского консула из Египта.

Чтобы «патриаршине» сестры не были без руководства, по благословению Патриарха Тимофея, во главе их была поставлена монахиня Антонина и возведена в сан игумении.

«Патриаршине» сестры Елеона группировались около игумена Серафима, жившего на Малой Галилее, и около схиигумении Евгении, которая стала горячей сторонницей Московского Патриарха.

Летом 1945 г. Иерусалимская Патриархия порвала сношения с карловацкой Миссией. Всему карловацкому духовенству было запрещено служить на св. местах и в греческих храмах.

Иерусалимская Патриархия, порвавшая с представителями карловацкого раскола всякое общение, давно ожидала прибытия в Св. Град представителей Русской Православной Церкви.

17 сентября 1948 г. в заседании Священного Синода Русской Православной Церкви было решено: «Начальником Русской Духовной Миссии в Палестине (несколько изменилось наименование Миссии. Все время, как мы видели, она была «в Иерусалиме», а здесь она названа «в Палестине»). Этим подчеркивалось ее значение не только для государства Израиль, но и для Иордании, в которую с 1948 г. вошла часть Палестины. — Автор) назначить архимандрита Московской епархии Леонида (Лобачева). В состав Миссии назначить священника Московской епархии — Елховского Владимира Евгеньевича. Предложить архимандриту Леониду немедленно отправиться к месту своего назначения и по прибытии принять дела и имущество по должности начальника Миссии». Таким образом, существование законной Русской Духовной Миссии в Св. Граде снова стало реальным фактом.

В двадцатых числах ноября 1948 г. архимандрит Леонид и священник Елховский отбыли из Москвы и через Прагу и Афины 30 ноября прибыли

в Иерусалим, где их прибытие приветствовал старейший русский житель Иерусалима архимандрит Мелетий. Сразу же началась работа по выяснению, что же принадлежит нашей Миссии. На территории Израиля оказались следующие участки: Русское Подворье в Иерусалиме с Троицким собором и домом Миссии, два дома близ Русского Подворья на ул. Пророков (дом Миловидовой и дом Силаевой), Горненский монастырь в Айн-Кареме, «Место Сидения» близ Горнего, храм и сад в Яффе, земли с домами и храм в г. Хайфе, сады в Назарете и Кане Галилейской (Кфар-Кана), пустырь Лубие, дом «со сводами» в Тивериаде и Магдалский сад близ Тивериады. Остальное все оказалось на территории Иордании. Возглавление карловацкой раскольнической Миссии, бежавшее из Израиля в Иорданию, настроило там соответствующие круги против законной Миссии в Иерусалиме и поэтому удержало за собой владение этой собственностью Русской Православной Церкви.

Сразу после приезда архимандрита Леонида были налажены регулярные богослужения в церкви св. муч. Александры в Иерусалиме. В Горненском монастыре и раньше все время были ежедневные богослужения. В остальных храмах служба стала производиться периодически, по праздникам. Стали понемногу делать ремонты, все приводить в надлежащий вид. Между тем интерес к Миссии со стороны широкой общественности Израиля все более возрастал. Миссию посещали и старались с ней завести знакомства люди самых различных общественных положений и религиозных исповеданий.

Хуже обстоял вопрос с юридическим оформлением наших земель. Во время английского мандата был издан закон, по которому мандатное правительство Палестины назначало опекуна над русским имуществом (имущество Русской Духовной Миссии, Палестинского Общества и великого князя Сергея Александровича). Этот опекун был фактическим хозяином всего русского достояния в Св. Земле. Он контролировал все доходы, без него нельзя было делать никаких казенных расходов, выдавал пособия насельникам монастырей и паломникам.

Первое время власти Израиля не хотели вообще никак оформлять переход миссииских владений к Миссии. Право владения при этом не оспаривалось, но чувствовалась нежелательность нормально разрешить этот вопрос для Израиля. После настойчивых напоминаний и требований опекуна русского имущества И. Л. Рабинович передал архимандриту Леониду имущество Миссии по актам, составив на каждый объект отдельный акт. Такое оформление было далеко не достаточным. Получалось, что Рабинович как частное лицо передает эти владения архимандриту Леониду. В акте не указывались никакие доверенности или решения израильского правительства, на основании которых действовал Рабинович. На актах не было даже печати.

В ноябре 1949 г. (уже прошел год после приезда Миссии в Иерусалим) архимандрит Леонид имел беседу с израильским министром религий. В этой беседе архимандрит Леонид выразил недоумение и возмущение Миссии по поводу ряда вопросов, касающихся отношений к Миссии властей Израиля. В числе пунктов, отмеченных архимандритом Леонидом как проявление недобрых отношений к Миссии и к Русской Православной Церкви, были такие действия израильских властей, как, например, устройство собачьего питомника в Марининском подворье близ алтаря Троицкого собора, распоряжение о размещении санитарного обоза на площади перед собором, открытие в здании «Русской больницы» в 15—20 м от здания Миссии заразного отделения и помещение туда больных черной оспой, полное безразличие полиции к грабегам, различным хулиганским выпадкам и осквернениям св. мест на русских участках, проволочка с ремонтом нашего дома «со сводами» в Тивериаде, пострадавшего от израильских взрывов, которыми разрушался соседний арабский квартал уже после окончания войны, отказ военного коменданта выдать пропуски араб-

скому духовенству из Назарета и Каны Галилейской, приглашенному на праздник 25 февраля в Миссию.

Кроме того, архимандрит Леонид сообщил министру религий о неприятном затягивании вопроса с русским имуществом: фактически им продолжал управлять Рабинович как опекун, это имущество часто подвергалось порче и переустройству арендаторами, все арендные платы поступали в банк на счет администратора, последним же не давались своевременно деньги для ремонта храмов и содержания монастыря из-за задержек министерства финансов.

Министр религий обещал урегулировать претензии Миссии (некоторые из них до сих пор не урегулированы), а в отношении имущества сказал, что он вообще не был в курсе этого дела и постарается в правительстве в ближайшее время разрешить благоприятно для Миссии этот вопрос, зятанутый бюрократией чиновников, за печеткую работу которых он извинялся, говоря, что государство новое и только учится управлять страной.

В это самое время подходил момент обсуждения в ООН будущего статуса Иерусалима. Шли упорные разговоры о его интернационализации, согласно бывшим ранее решениям Генеральной Ассамблеи. Израильские власти старались всячески доказать, что все религиозные объединения и исповедания пользуются полной свободой в своей деятельности. К концу 1949 г. израильский парламент вынес решение о ликвидации мандатного закона об администраторе русского имущества, об уравнивании этой институции и о передаче всего русского имущества его владельцам по принадлежности в полное их владение и распоряжение.

С внешней же стороны израильские власти проявляли к Миссии полную корректность и старались показать равенство ее со всеми другими исповеданиями (приглашение начальника Миссии на приемы к президенту и т. д.).

Сразу после приезда Миссии в Иерусалим завязались сердечные и братские отношения с Иерусалимской Патриархией. Русская Православная Церковь всегда должна с особой любовью относиться к патриаршему наместнику архиепископу Севастийскому Афинагору, который много содействовал верным чадам Московского Патриаршего престола, когда они боролись с раскольниками. После водворения в Миссии представителя Святейшего Патриарха Алексия Владыка Афинагор сразу постарался завязать с Миссией личное непосредственное общение. Заслуги архиепископа Афинагора особенно велики потому, что Патриарх Тимофей был все время в состоянии крайней немощи. Еще за несколько лет до описываемого времени он не мог совершать богослужения, почти не ходил, поэтому, естественно, и управлять делами Патриархии не мог, а архиепископ Афинагор в своей должности патриаршего наместника практически исполнял все патриаршие обязанности.

Дальше взаимоотношения с Иерусалимской Патриархией продолжали оставаться очень хорошими все время. Архиепископ Афинагор в течение 1949 г. несколько раз снова посещал Миссию, приезжали и разные архимандриты. Одним словом, общение между Миссией и Патриархией не осложнялось ничем.

Наряду с Иерусалимской Патриархией добрососедские отношения Миссия установила и с другими христианскими исповеданиями. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме всегда пользовалась большим авторитетом. Поэтому задачей Миссии, прибывшей из Москвы, было сохранить тот авторитет, который для Миссии завоевали ее прежние начальники — архимандрит Порфирий, епископ Кирилл, архимандрит Антонин и другие. Сохраняя этот авторитет, нужно было завязать хорошие отношения со всеми религиозными кругами Св. Земли.

На этом участке работы у Миссии тоже было все благополучно. Архимандрит Леонид делал визиты различным представителям инославия и

принимал их у себя. Первое официальное общение инославных кругов с Русской Духовной Миссией и, можно сказать, с Русской Православной Церковью было 25 февраля 1949 г. В этот день тезоименитства главы Русской Православной Церкви, Святейшего Патриарха Алексия, главы различных христианских кругов, представленных в Израиле, были приглашены на торжественное богослужение и на прием в честь Московского Патриарха. С того раза вошло в прочную традицию ежегодно торжественно отмечать день Ангела Святейшего Патриарха. Праздник всегда начинается литургией, которую совершает обычно множество греческого, арабского и русского духовенства. За литургией присутствуют многие представители различных посольств, консульств, официальные лица израильских высших государственных учреждений, представители местной интеллигенции, общественности, печати и т. д. После литургии все гости во главе с духовенством шествуют в покои начальника Миссии, где бывает большой прием. Все приглашенные на 25 февраля 1949 г. (армяне, копты, эфиопы и др.) своим присутствием оказали уважение как Миссии, так и всей Церкви, пославшей эту Миссию.

В дальнейшем при каждом удобном случае христианские круги Палестины, да и не только христианские, но и все религиозные деятели, выражали Миссии свое уважение. Так, в первый же день пребывания архимандрита Леонида в Старом Городе у него был с визитом глава францискан, живущих при Гробе Господнем. Когда в Израиль прибыл армянский патриарх Иерусалима, он пригласил к себе в Яффу архимандрита Леонида для беседы, а незадолго перед этим армянский архиепископ из Багдада посетил нашу Миссию в Иерусалиме. И с другими исповеданиями все время поддерживались добрые взаимоотношения путем встреч, бесед, взаимных визитов и т. д.

В таких условиях возродилась и продолжалась жизнь Иерусалимской Миссии. Естественно, что своеобразная рабочая атмосфера и тяжелый палестинский климат создавали такое настроение, что сотрудники Миссии стремились и стремятся побыстрее вернуться в родные края. Просили об этом Московскую Патриархию и архимандрит Леонид, и священник Елховский.

В Патриархии, отчасти снисходя к этим просьбам, но, главным образом, желая поднять престиж Миссии, было решено направить на должность начальника Миссии настоятеля Псково-Печерского монастыря епископа Изборского Владимира (Кобец) в сопровождении двух священников, членов Миссии. Архимандрита Леонида было решено сделать заместителем начальника Миссии (пока епископ Владимир не войдет в курс дела), а священнику Елховскому благословлялось возвращаться домой.

Епископ Владимир — пострижник Киево-Печерской Лавры. Одно время он был казначеем Троице-Сергиевой Лавры, затем был настоятелем Псково-Печерского монастыря, откуда и был призван к епископскому служению в 1948 г., когда был хиротонисан во епископа Порховского.

Новый состав Миссии отправился в путешествие из Москвы перед праздником Рождества Христова и достиг Иерусалима 12 января 1950 г.

Вместе с епископом Владимиром в Миссию прибыли священник Дмитрий Москалев и священник Виктор Костин. Священник Москалев пробыл в Иерусалиме недолгое время, он заболел и вернулся в Москву, где и стал проходить пастырское служение. Священник Костин жил в Иерусалиме около двух лет.

Святейший Патриарх Алексий направил с новым начальником Миссии послание к Иерусалимскому Патриарху Тимофею, где просил с любовью принять нового посланника Русской Православной Церкви. Назначение епископа на пост начальника Миссии было необычным явлением. За столетнюю историю Миссии это был второй случай. После епископа Кирилла Миссию все время возглавляли архимандриты. Патриарх Тимофей и все

греческое духовенство, Синод и святोगробское братство встретили епископа Владимира очень хорошо и так относились к нему все время, пока он занимал свой пост. Иногда греки чаще бывали в Миссии, иногда реже, но это зависело от политической обстановки, т. к. иорданские власти очень недоброжелательно смотрели на дружбу Иерусалимской Патриархии с русскими, а иногда то же самое бывало и со стороны греческого генерального консульства.

5 апреля 1950 г. архимандрит Леонид уехал в Москву.

Епископ Владимир к тому времени окончательно освоился с делами Миссии. При нем особых событий в жизни Миссии не было. В основном, жизнь текла тем же руслом, что и при архимандрите Леониде, как внутри Миссии, так и во внешних ее проявлениях.

Во время пребывания в Миссии Преосвященного Владимира в израильскую часть Иерусалима прибыл Блаженнейший Патриарх Тимофей. Миссию он посетить не смог ввиду своего крайне немогущего состояния, но епископ Владимир представлялся ему в отеле «Кинг Дэвид», приветствовал Его Блаженство, и Блаженнейший с радостью встретил его.

К концу своего пребывания в Св. Земле епископ Владимир тяжело заболел.

Оправившись после болезни, епископ Владимир уехал в Москву для отдыха и поправления здоровья. Распрощавшись с Палестиной, 25 сентября 1951 г. он, сопровождаемый иеродиаконном Сергием (Павлюком), покинул Палестину, отбив из порта Хайфы на пароходе.

В этот же день в Хайфу тоже на пароходе прибыло пополнение Миссии. Оно состояло из архимандрита Поликарпа (Приймак), назначенного заместителем начальника Миссии (ввиду отъезда из Палестины самого начальника, он становился исполняющим обязанности начальника Миссии, только в конце 1952 г. архимандрит Поликарп был утвержден в должности начальника Миссии), протоиерея Алексея Громова (из г. Владимира) и протоиерея Григория Хомутова (из Рязанской епархии). Члену Миссии отцу Виктору Костину благословлялось после ознакомления нового состава Миссии с делами возвратиться на Родину.

В 1951 г. в Миссии торжественно было отмечено 80-летие со дня рождения старейшего члена Миссии архимандрита Мелетия. Он был награжден патриаршей грамотой, и ему, согласно его прошению об увольнении его за штат по преклонности лет, была назначена хорошая пенсия. Отец Мелетий был живой связью между Миссией, бывшей до войны 1914 г., и нашей современной Миссией. Немного больше чем через год после ухода на пенсию, отец Мелетий скончался и был погребен на кладбище Горненского монастыря, где после войны 1948 г., когда христианское кладбище на горе Сион попало в нейтральную между Израилем и Иорданией зону, стали хоронить русских православных людей.

С внешним миром архимандрит Поликарп поддерживал те же взаимоотношения, что и его предшественники. У Миссии год от года увеличивался круг знакомых и друзей.

Израильские власти все время хорошо говорили о своих отношениях к Миссии, но не подкрепляли эти высказывания соответствующими делами. Особенно трудное время наступило для Миссии в 1953 г., когда израильскими провокаторами была брошена бомба в Советское Посольство в Тель-Авиве, а затем последовал разрыв дипломатических отношений между СССР и Израилем. Сразу во всех жизненных проявлениях окружающий израильский мир стал подчеркивать свою враждебность к Миссии. Начались всевозможные провокации и агрессивные акты. В Яффе был реквизирован миссийский сад со всеми постройками, за исключением храма и дома, где жила наш священник и заведующая садом. В Горнем начались попытки захватить лучшие здания. Миссия протестовала против этих беззаконий, как могла.

Домá в Яффском саду, правда, были скоро освобождены от израиль-

ских солдат, которые поселились там еще до получения Миссией уведомления о реквизиции, но это выселение обнаглевших израильтян было результатом вмешательства и протеста болгарской дипломатической Миссии, которая представляла интересы СССР в Израиле. В домах Яффского сада, чтобы пресечь попытки к новому их захвату, поселились болгарские дипломаты.

Только с восстановлением дипломатических отношений с Советским Союзом в Израиле стали снова терпимо относиться к Миссии. Такое отношение в Израиле к нашей Миссии в период разрыва дипломатических отношений с СССР более чем непонятно, т. к. все израильские чиновники знали и знают, что Русская Православная Церковь в СССР не является государственной и что она отделена от государства.

Внутренняя жизнь Миссии во дни архимандрита Поликарпа тоже мало чем отличалась от жизни предшествующих лет.

В ноябре 1953 г. на Родину отбыл протоиерей Хомутов, на его место прибыл священник Сергей Харламов, а в июле 1954 г. возвратился в Москву и протоиерей Громов.

Осенью 1954 г., когда архимандрит Поликарп и священник Харламов совершали поездку в Магдальский сад, их автомобиль попал в катастрофу. Архимандрит Поликарп пострадал мало, а священник Харламов получил тяжелые увечья, долго лежал в больнице, а когда несколько оправился после тяжелого потрясения, то был отозван в Москву. Решением Священного Синода в 1955 г. было изменено название Русской Православной Духовной Миссии Московской Патриархии в Палестине на прежнее традиционное наименование, имеющее столетнюю давность, — Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, о чем и был послан указ Святейшего Патриарха от 14 марта 1955 г. за № 390.

Во второй половине апреля архимандрит Поликарп был отозван в Москву, а в первых числах мая в Иерусалим отбыло из Москвы новое пополнение Миссии — протоиерей Михаил Зернов и игумен Пимен (Хмельевский). На время отсутствия начальника Миссии замещать последнего было поручено протоиерею Зернову.

В августе 1955 года из СССР в Горненский монастырь прибыла первая группа монахинь в качестве пополнения его личного состава. Прибывшие быстро освоились, сжились с сестрами, пробывшими в Горнем по сорок и более лет, и включились во все монастырские послушания.

До октября 1955 г. пробыл в Иерусалиме протоиерей Зернов, а затем поехал в Москву для доклада о жизни Миссии.

За время отсутствия протоиерея Зернова делами Миссии руководил игумен Пимен.

Протоиерей Зернов пробыл в Москве до февраля 1956 г. По его просьбе он был освобожден от прохождения службы в Иерусалиме. Решением Священного Синода 25 февраля 1956 г. начальником Миссии был назначен игумен Пимен с возведением в сан архимандрита. В этот же день членом Миссии был назначен автор настоящих строк, бывший в то время в звании иеромонаха.

Деятельность Миссии при архимандрите Пимене проходила прежним порядком во внутренних и внешних проявлениях жизни. Отношение израильских властей в это время тоже было, в основном, обычное — вежливость и любезность при встречах и посягательства на владения Миссии, особенно на часть земли Горненского монастыря, которая была экспроприрована израильским правительством для своих целей.

В июне 1956 г. в Горненский монастырь прибыла вторая группа монахинь — пополнение в обитель, где большинство насельниц — древние старицы. Новые сестры Горнего тоже быстро освоились на новом месте.

Архимандрит Пимен пробыл в Иерусалиме до июля 1957 года. Затем он выехал в Москву, был освобожден от должности начальника Миссии

с назначением в братию Троице-Сергиевой Лавры и одновременным назначением преподавателем Московской духовной академии. Позднее его назначили наместником Лавры.

Решением Священного Синода от 25 сентября 1957 г. начальником Миссии был назначен автор этих строк с возведением в сан архимандрита. 3 ноября 1957 г. в Троицком соборе Миссии за Божественной литургией Назаретский митрополит Исидор совершил чин возведения. Святейший Патриарх Алексий в своем письме на имя Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Венедикта (нужно заметить, что Патриарх Тимофей скончался 31 декабря 1955 г., а на его место в начале февраля 1957 г. был избран архиепископ Тивериадский Венедикт) просил Его Блаженство принять нового начальника Миссии в отеческое покровительство и любовь.

Подробно о деятельности Русской Духовной Миссии и Иерусалима, возрожденной в 1948 г., пусть напишут когда-нибудь позднее. Сейчас, помимо краткого перечисления основных событий в Миссии за последние годы, нужно отметить, что Миссия Русской Православной Церкви, прибывшая из страны, где Церковь отделена от государства, установила добрые отношения с Посольством СССР в Израиле, точнее с консульским отделом Посольства, который занимается делами граждан нашей страны, находящихся за границей. Такие же хорошие отношения установились и с Палестинским Обществом, которое ныне именуется Палестинским Обществом Академии Наук СССР. Только теперь, когда прекратилось смешение функций Миссии, Консульства и Палестинского Общества, все эти представительства русского народа на Востоке стали заниматься своей, присущей каждому, деятельностью, сохраняя взаимное уважение и невмешательство в дела друг друга.

Материальное обеспечение Миссии все время является вполне достаточным. Московская Патриархия в этом отношении заботится о миссионерских потребностях.

Начальники и члены Миссии, назначаемые в Св. Град, обычно тягостятся своим послушанием. Трудно жить в чужой стране, где так мало

Получение благодатного огня на израильско-иорданской границе

осталось русских людей, куда оформление виз для новых пополнений духовенства и Горненского монастыря затягивается израильскими властями на много, много месяцев. Кроме того, цель паломничества — поклонение Живоносному Гробу Господню и другим святыням, остается, в основном, не достигнутой. Далеко не всем из миссионерского духовенства и горненских монахинь удалось за последнее время побывать в Старом Городе, т. к. власти Иордании, находящиеся под контролем, давлением и влиянием английских и американских империалистов, чаще всего отказывают русским в просьбах разрешить проход через границу из Израиля в Иорданию и обратно. В Миссии ежедневно слышен колокольный звон Воскресенского храма, в Старом Городе слышат трезвон русских колоколов в Миссии, но попасть ко Гробу Господню, находящемуся от Миссии в нескольких минутах ходьбы, чрезвычайно трудно.

Такое своеобразие жизненных условий побуждает наше духовенство после непродолжительных сроков пребывания в Иерусалиме просить свое начальство о возвращении на Родину. Московская Патриархия в этом отношении всегда идет навстречу своим посланцам в Св. Земле, и они, пробыв года два в Миссии, возвращаются домой с радостью, что Господь сподобил видеть Святую Землю и вернуться в свое Отечество.

В настоящее время задачи Миссии сами говорят о ее значении в Иерусалиме, где представлены почти все христианские исповедания: Миссия прежде всего совершает молитвы во Святом Граде о своей стране, о своем народе, о своей Церкви; Миссия от лица Русской Православной Церкви поддерживает непосредственное братское общение с Иерусалимским Патриархатом, Миссия общается с самыми различными слоями и представителями всех религиозных кругов Израиля и отчасти Иордании (когда туда разрешают въезд); Миссия хранит и укрепляет то богатое наследство в виде различных владений, которые достались ей путем трудов и забот ее начальников и членов, подвизавшихся в минувшие годы; богослужение в Миссии считается самым красивым, самым лучшим по своей постановке среди других христианских общин. Об этом говорят не только представители инославия, но иудеи Израиля.

Невольнo хочется закончить историю Русской Духовной Миссии в Иерусалиме пожеланием ей еще много, много лет представлять в святых местах нашу родную Церковь, преуспевать во всех видах ее деятельности, быть наследницей тех хороших традиций, которые сложились за время ее существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архимандрит Кириил О. Антоний Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894 гг.). Белград, 1934, с. 114—115.

² П. В. Безобразов. О сношениях России с Палестиной в XIX веке. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. XXII, вып. II, СПб., 1911, с. 185—187.

³ Н. Каптерев. Сношения Иерусалимских патриархов в текущем столетии (1815—1844 гг.). «Православный Палестинский Сборник», т. XV. Выпуск первый. СПб., 1898, с. 679—681.

⁴ Там же, с. 684.

⁵ Там же, с. 685.

⁶ Епископ Порфирий (Успенский) Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского, т. I, СПб., 1894, с. 229, 250, 254, 262.

⁷ Там же, с. 355.

⁸ Кирилл. Пребывание преосвященного Порфирия Успенского на Св. Земле. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. XV, выпуск 4. СПб., 1905, с. 281—282.

⁹ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. II, с. 379.

¹⁰ Там же, т. III, с. 161.

¹¹ Там же, с. 358, 360.

¹² Там же, с. 252.

¹³ Там же, т. V, с. 149.

¹⁴ Там же, т. III, с. 352, 353.

- ¹⁵ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. III, с. 36.
- ¹⁶ Там же, с. 622.
- ¹⁷ Там же, с. 626, 627.
- ¹⁸ Там же, с. 252—253.
- ¹⁹ Там же, с. 362—363.
- ²⁰ Архимандрит Порфирий. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского с 1850 г. СПб., 1856, с. 1.
- ²¹ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. IV, с. 57.
- ²² Там же, т. V, с. 215—216.
- ²³ Свящ. Ф. И. Титов. Пресвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Киев, 1902, с. 108, 113.
- ²⁴ Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (далее АРДМ), дело № 1. Копия доклада Министерства Иностранных Дел императору Александру II.
- ²⁵ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. VI, с. 46.
- ²⁶ АРДМ, дело № 4. Указы о назначении состава Миссии.
- ²⁷ Свящ. Ф. И. Титов, указ. соч., с. 136.
- ²⁸ Архимандрит Порфирий. Второе путешествие по св. Горе Афонской. М., 1880, с. 12—13.
- ²⁹ Архимандрит Киприан, указ. соч., с. 120.
- ³⁰ Свящ. Ф. И. Титов, указ. соч., с. 229.
- ³¹ АРДМ, дело № 951. Переписка епископа Кирилла с Российским послом в Константинополе Бутеневым.
- ³² АРДМ, дело № 955. Награждение орденами Патриарха Кирилла и митрополита Мелегия Петроаравийского.
- ³³ АРДМ, дело № 1013. Переписка с русским консулом в Дамаске по вопросу о различных пожертвованиях Антиохийской Церкви.
- ³⁴ АРДМ, дело № 1204. Дело о пожертвованиях Антиохийской Церкви.
- ³⁵ АРДМ, дело № 1205. Дело о посылке митрополиту Тиро-Сидонскому Герасиму архиерейского облачения и митры.
- ³⁶ АРДМ, дело № 1695. Переписка по делу миссийского дома в Дамаске.
- ³⁷ АРДМ, дело № 1015. Переписка по делу воссоединения униатов.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ АРДМ, дела №№ 102, 1455, 1456. Прощения о воссоединении с православием аббата Пинелли, монаха Константина и др.
- ⁴⁰ АРДМ, дело № 1035. Копия англиканского послания с подписями.
- ⁴¹ Журнал «Christian news in Israel» 1957, ноябрь, с. 17.
- ⁴² АРДМ, дело № 887. Переписка о путешествии епископа Кирилла караваном в Назарет.
- ⁴³ АРДМ, дело № 1505. Инструкции в случаях бракосочетаний.
- ⁴⁴ АРДМ, дела №№ 261—263. О разных постригах.
- ⁴⁵ АРДМ, дело № 1106. Прощения паломников о помощи.
- ⁴⁶ АРДМ, дело № 1215. О хирургических инструментах.
- ⁴⁷ АРДМ, дело № 1217. Отношение из Азиатского департамента Министерства Иностранных Дел от 29 января 1860 г., за № 426.
- ⁴⁸ АРДМ, дело № 936. Дело о приезде великого князя Константина.
- ⁴⁹ Свящ. Ф. И. Титов, указ. соч., с. 424—425.
- ⁵⁰ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886, с. 378—379.
- ⁵¹ АРДМ, дело № 19. Указы о назначении духовенства и певчих в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме.
- ⁵² АРДМ, дело № 1669. Переписка об окончании строительства здания Миссии и церкви во имя святой мученицы Александры на Русских Постройках в Иерусалиме.
- ⁵³ АРДМ, дела №№ 262—263. Дела о паломниках.
- ⁵⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, с. 435—436.
- ⁵⁵ Там же, с. 473—493.
- ⁵⁶ Архимандрит Киприан, указ. соч., с. 131.
- ⁵⁷ «Церковный Вестник». 1877, № 41, с. 8.
- ⁵⁸ АРДМ, дело № 1377. Переписка с Иерусалимской Патриархией.
- ⁵⁹ АРДМ, дело № 1195. Письмо из Константинопольского посольства.
- ⁶⁰ И. И. Соколов. Иерусалимский Патриарх Кирилл II и его отношение к болгарской церковной схизме. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества». т. XXV, вып. 1—4, 1914. Т. XXVI, вып. 1, 1915, т. XXVII, 1916.
- ⁶¹ АРДМ, дело № 963. Указ Св. Синода, № 224, от 5 августа 1874 г.
- ⁶² АРДМ, дело № 973. Письмо Иерусалимского Патриарха Никодима архимандриту Антонину от 25 октября 1886 г.
- ⁶³ АРДМ, дело № 975. Письмо священника Анисимова архимандриту Антонину от 2 сентября 1888 г.
- ⁶⁴ АРДМ, дело № 972. Переписка с Иерусалимской Патриархией.
- ⁶⁵ АРДМ, дело № 128. Письмо архимандрита Антонина к Мансурову.
- ⁶⁶ АРДМ, дело № 1295. Письмо В. Н. Хитрово от 25 декабря 1879 г.
- ⁶⁷ Архимандрит Киприан, указ. соч., с. 152.

- 68 АРДМ, дело № 128, цит. письмо архимандрита Антонина к Мансурову.
 69 Архим. К и п р и а н, указ. соч., с. 160—163.
 70 АРДМ, дело № 2416. Указ Св. Синода о Горненском празднике.
 71 АРДМ, дело № 2010. Переписка с Палестинским Обществом.
 72 Освящение православной церкви в Яффе. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. IV, СПб., 1894.
 73 Выписка из решения Св. Синода от 29 декабря 1857 г. (Хранится в канцелярии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме).
 74 АРДМ, дело № 2060. Письма графа Игнатъева.
 75 АРДМ, дело № 1700. Переписка с Петербургом о покупке земель.
 76 «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества» за 1901 г., т. XII, вып. 1, с. 73—75.
 77 АРДМ, дела №№ 252—254, 926. Различные прошения.
 78 АРДМ, дела №№ 263, 264, 268, 269, 270, 913. Дела о постригах.
 79 АРДМ, дела №№ 1484—1505. Брачные дела, метрические книги.
 80 АРДМ, дела №№ 1114—1120, 1122—1124. Дела о материальной помощи папашникам.
 81 АРДМ, дело № 896. Письмо консула Арсеньева.
 82 АРДМ, дело № 92. Переписка с Петербургом. Ответ из Св. Синода, за № 9515 от 21 августа 1870 г.
 83 АРДМ, дела №№ 1067—1081, 1084. Переписка с арабами.
 84 АРДМ, дело № 1018. Переписка с болгарами.
 85 АРДМ, дело № 92. Переписка с Петербургом.
 86 АРДМ, дело № 95. Письмо к К. П. Победоносцеву от 2 июля 1890 г.
 87 АРДМ, дело № 92. Переписка с Петербургом.
 88 АРДМ, дело № 668. Дело о зарплате регенту хора.
 89 АРДМ, дела №№ 827, 829, 833. Финансовые дела Миссии.
 90 АРДМ, дело № 828. Дело об устройстве навеса над входом в Миссию.
 91 АРДМ, дела №№ 2057, 2058. Сведения о пожертвованиях.
 92 АРДМ, дела №№ 408—575, 599—600, 701—715. Сведения о пожертвованиях.
 93 АРДМ, дело № 1038. Благодарственное письмо эфнопов.
 94 См. «Православный Палестинский Сборник», т. III, вып. 1, СПб., 1884 г.
 95 См. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. VII, СПб., 1897, с. 391—399.
 96 А. Д м и т р и е в с к и й. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антоний. «Сообщения Имп. Прав. Палест. Общества», т. XV, вып. 2. СПб., 1904, с. 125—127.
 97 Там же, с. 144—146; Архим. К и п р и а н, указ. соч., с. 191—194.
 98 АРДМ, дело № 41. Свидетельство, выданное архимандриту Арсеню.
 99 АРДМ, дело № 42. Указ начальнику Русской Духовной Миссии архимандриту Рафаилу за № 3911.
 100 АРДМ, дело № 988. Переписка с Св. Синодом и указ Св. Синода.
 101 Там же.
 102 Прот. М а л ы ц е в. Православные церкви и русские учреждения за границей, СПб., 1906, с. 217.
 103 АРДМ, дела №№ 1244, 1274. Переписка с консулом.
 104 АРДМ, дела №№ 769, 835, 836. Переписка о ремонтах.
 105 АРДМ, дело № 4020. Руководственные правила для Горненской женской общины, утвержденные определением Св. Синода от 24 июля 1898 г. за № 2699.
 106 АРДМ, дело № 1901. Акт о покупке земли.
 107 АРДМ, дело № 159. Переписка с Петербургом по делу завещания архимандрита Антонина.
 108 АРДМ, дела №№ 727, 840. Переписка с В. Н. Хитрово.
 109 АРДМ, дело № 51. Переписка об увольнении архимандрита Рафаила и о назначении архимандрита Александра.
 110 АРДМ, дело № 172. Переписка о библиотеке и музее Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.
 111 АРДМ, дела №№ 1723, 1974, 1998. Переписка о стенах и столбах в Иерихоне.
 112 АРДМ, дела №№ 1977, 1980. О Силоаме.
 113 АРДМ, дело № 2213. Письмо В. Н. Хитрово архимандриту Александру от 30 декабря 1900 г. № 1826.
 114 АРДМ, дела №№ 174, 1918. Сведения о пожертвованиях.
 115 АРДМ, дела №№ 733—737. Отчетность.
 116 АРДМ, дела №№ 732, 184. Переписка о финансах и денежной помощи.
 117 АРДМ, дело № 175. О поступлении Ильи Самина в духовное училище в России.
 118 АРДМ, дело № 732. Переписка о финансах.
 119 АРДМ, дело № 1318. Копия письма В. Н. Хитрово к архимандриту Александру № 1816 от 29 декабря 1900 г.
 120 АРДМ, дело № 2201. Переписка о ремонте.
 121 АРДМ, дело № 902. Дело о постройке Николаевского подворья.
 122 АРДМ, дело № 172. Письмо из Московской духовной академии.

- ¹²³ АРДМ, дело № 899. Переписка о присылке книг Св. Писания.
- ¹²⁴ АРДМ, дело № 900. Письмо архимандрита Александра к прот. Михайловскому.
- ¹²⁵ АРДМ, дело № 67. Письмо архимандрита Леонида к митрополиту Антонию от 24 июля 1903 г.
- ¹²⁶ АРДМ, дела №№ 921, 922, 927, 935, 1791, 2050, 2151. Дела паломников духовного звания.
- ¹²⁷ АРДМ, дела №№ 905, 906, 2096. Переписка о паломниках.
- ¹²⁸ АРДМ, дела №№ 996, 1007, 1139. Дела о помощи прокаженным.
- ¹²⁹ АРДМ, дело № 997. Прошения об устройстве детей в школы и пансионы.
- ¹³⁰ АРДМ, дела №№ 2042—2049. Переписка об экспорте цитрусовых плодов.
- ¹³¹ АРДМ, дела №№ 193, 1260. Переписка об экспорте масла и вина.
- ¹³² АРДМ, дела №№ 842, 2044. О живописных работах.
- ¹³³ АРДМ, дело № 2056. Письмо Запенина о пожертвовании.
- ¹³⁴ АРДМ, дела №№ 865, 870. О пожертвованиях.
- ¹³⁵ АРДМ, дело № 233. Записки архимандрита Леонида о земельных приобретениях и разных работах на миссийских участках.
- ¹³⁶ АРДМ, дело № 2217. Переписка об устройстве кладбища в Гефсимани.
- ¹³⁷ АРДМ, дело № 208. Переписка об устройстве миссийского подворья в Москве.
- ¹³⁸ АРДМ, дела №№ 1971, 2082, 2085, 2095. Переписка о строительстве храма в Хевроне.
- ¹³⁹ АРДМ, дело № 2158. Фирман султана на открытие русского храма св. пророка Илии на Кармиле. Переписка по этому делу.
- ¹⁴⁰ АРДМ, дело № 1008. Письмо жителей Назарета о постройке храма от 29 марта 1914 г.
- ¹⁴¹ АРДМ, дело № 218. Указ Св. Синода от 13 декабря 1912 г. № 19039 о благословении на сбор пожертвований для постройки храма в Тивериаде.
- ¹⁴² АРДМ, дело № 995. Указ Св. Синода № 9058 от 30 июня 1910 г.
- ¹⁴³ АРДМ, дело № 1000. Письмо Патриарха Дамиана от 29 ноября 1910 г. № 1658.
- ¹⁴⁴ АРДМ, дело № 1257. Переписка с консулом о пометках в паспортах.
- ¹⁴⁵ АРДМ, дела №№ 999, 1001. Отношение Русской Духовной Миссии к греко-арабскому вопросу. См. также С. Троицкий. Греко-арабский вопрос в Палестине. «Прибавления к Церковным Ведомостям», 1909, №№ 8 и 10, с. 398—401, 486—491.
- ¹⁴⁶ АРДМ, дело № 1006. Переписка с Св. Синодом. Указ Св. Синода № 4680 от 21 марта 1913 г.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ АРДМ, дело № 1026. Письмо Патриарха Григория.
- ¹⁴⁹ АРДМ, дело № 1027. Переписка с Антиохийским патриархом Григорием об иконах.
- ¹⁵⁰ АРДМ, дела №№ 2930, 1028. Переписка с клиром Антиохийского Патриархата.
- ¹⁵¹ АРДМ, дела №№ 1025, 1210. О посылке Св. Мира для Антиохийского Патриархата.
- ¹⁵² АРДМ, дело № 1024. Письмо игумении Мариам.
- ¹⁵³ АРДМ, дела №№ 1924—1954, 1958—1971. Дела Елеона.
- ¹⁵⁴ АРДМ, дело № 79. Переписка с Св. Синодом.
- ¹⁵⁵ АРДМ, дело № 1470. Принятие в православие Жоржет Лясефль.
- ¹⁵⁶ АРДМ, дело № 234. Просьба о пожертвовании на храм св. Марии Магдалины.
- ¹⁵⁷ АРДМ, дело № 1325. Переписка с Палестинским Обществом.
- ¹⁵⁸ АРДМ, дело № 7556. Переписка о назначении архимандрита Леонида епископом Балахнинским и об оставлении его в Иерусалиме.
- ¹⁵⁹ Копия с решения суда о духовном завещании начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Сенцова) (хранится в канцелярии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме).